

Непрощенная

ЛЕГЕНДЫ О ПРОКЛЯТЫХ II

УЛЬЯНА СОБОЛЕВА

18+

Легенды о проклятых

Ульяна Соболева

**Легенды о проклятых 2.
Непрощенная + Бонус**

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Соболева У. П.

Легенды о проклятых 2. Непрошенная + Бонус /

У. П. Соболева — «ЛитРес: Самиздат», 2016 — (Легенды о проклятых)

Гласит вторая легенда о том, что скрестят мечи владыки мира сего из-за женщины с волосами цвета смерти. Содрогнется вера и польется кровь багровыми реками. Ниада-отступница, проклятая родом своим, гонимая, сгорит в огне ненависти и презрения. Никем непущенная. И гибель теперь сеет всем Безликий убийца. Все чаще в облике зверя появляется. Нет ему покоя. Когда тени ступят на землю, призовут они к Повелителю всех тварей нечистых, слуг его верных, дабы приносили ему в дары души грешные: и женщин, и детей, и молодых, и старых. Но не все головы готовы склонить перед злом первобытным. И если зло против зла восстанет, что есть добро тогда? В оформлении обложки использована фотография Ironika с сайта shutterstock. Номер лицензии 1284074629

© Соболева У. П., 2016

© ЛитРес: Самиздат, 2016

Содержание

Глава первая. Одейя	6
Глава вторая. Одейя	13
Глава третья. Дали. Лори	19
Глава четвертая. Рейн	26
Глава пятая. Рейн	31
Глава шестая. Одейя	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Ты песню о ней не пой в ночи.
Когда плачет она, наступает тьма.
Ты имя её никогда не кричи,
Замерзает от слез её вода.
Ты в глаза маалан не смотри, не смотри...
В волосах её мертвые вьются цветы
Ты прости ей грехи, прости, прости.
Она плачет о том, что не знаешь ты...

Глава первая. Одейя

Я шла, не торопясь, слыша скрип снега под ногами. Ужасающий оглушительный скрип и завывание ветра. Не могла оглянуться назад. Хотела и не могла. От боли сводило все тело судорогой, и рыдания раздирали изнутри. Такие жалкие и беспомощные рыдания, от которых, казалось, я разрываюсь на части. Иногда наши желания сбываются самым чудовищным образом.

Самым невероятным и издевательским, как будто кто-то их подслушал и, вывернув наизнанку, преподнес вам на блюде, и вы, истекая кровью, понимаете, что лучше бы они не сбывались, чем сбылись вот так. Я мечтала от него избавиться и сбежать, а сейчас уходила все дальше от Адвера и понимала, что меня тянет назад. Невыносимо и больно тянет обратно. С каждым шагом-надрыв до адской боли внутри, и я сдерживаюсь, чтобы не побежать. Быстро, сломя голову. К нему. Обратно. Валиться на полу рядом с ним и ждать... ждать одного единственного удара сердца, а потом... потом снова ненавидеть проклятого валласара... Потому что я, велиария Лассара, не имею права на иные чувства.

Мне даже казалось, что я не ушла. Что мне все это чудится, а на самом деле я лежу там, распростертая на ковре рядом с ним и трогаю все эти бесконечные шрамы на его лице. После того, как сняла маску, мы не сказали друг другу ни слова. Он оседал на пол, и я вместе с ним, цепляясь за сильные плечи, погружаясь в эту едкую боль в его глазах, захлебываясь ею, чувствуя, как она меня душит, завязывается веревкой на шее, перекрывая кислород. Он до последнего смотрел мне в глаза, а я до последнего хаотично гладила его лицо и тихо выла, как раненая волчица. Страшным низким звуком. Никогда раньше не думала, что человек способен его издавать, и когда поняла, что это я, мне стало жутко. Пальцы трогали и трогали его «улыбку» – оскал смерти, который казался таким чудовищным, который ввергал людей в суеверный ужас и панику. После меча Ода Первого никто и никогда не выживал. Только восставшие из мертвых могли носить такие шрамы, но я не верила в восставших, а люди были слишком зомбированы легендами и поверьями. Я никогда не боялась того, что скрывалось под маской... я боялась того, что скрывалось у него под кожей, в венах, в сердце и в крови. Любить не страшно... страшно не знать, кого ты любишь. И я боялась любить Рейна Дас Даала и все же любила. Второй раз... и опять его же. Я выбирала именно этого мужчину дважды в своей жизни: и будучи совсем наивной девочкой, и став взрослой женщиной-воином. Теперь я точно знала, что именно чувствовала к меиду в железной маске и за что так яростно его ненавидела – за то, что не имела права любить его.

Почему они говорили, что он уродлив... мне он казался таким же красивым, как и десять лет назад. Они не портили его. Шрамы. Они лишь были доказательством того, насколько его искалечила судьба. Нас обоих. Ужасающая правда о том, кто он такой. С кем я проводила тогда свои ночи, в кого влюбилась юная велиария Лассара – в кровного врага своего народа. Какая насмешка судьбы! Издевательская ирония. В то время, как наши отцы думали о том, как уничтожить друг друга, их дети сходили с ума от страсти. У нас не было никакого морального права на эту любовь. Нет его и сейчас... и никогда не будет. Ненависть и океаны крови вечно будут стоять между нами непреодолимым препятствием.

Разум подбрасывал воспоминания... Неизменная маска меида повсюду, как тень, где бы я ни была. Да, он не нарушил своей клятвы в отличие от меня. А я... я нас предала. Я перестала быть собой... я стала той, кем была рождена – дочерью Ода Первого, жаждущей смерти каждого валласара. Только сейчас я уже не знала, какая из этих женщин настоящая, маалан или Одейя дес Вийяр. Мне казалось, что каждая из них по-своему настоящая. Одна оплакивала свой народ и каждого погибшего воина, а вторая билась в агонии на груди умирающего

валласара и проклинала войну и вражду двух государств. Проклинала себя за то, что смогла сдержать клятву, данную своему народу.

Я тогда бросилась прочь из комнаты, вниз по ступеням в келью Сивар. Умолять дать ему противоядие. Отчаяние сводило меня с ума. Я валялась у нее в ногах, впиваясь в железные прутья пальцами, и предлагала взять взамен что угодно. Даже мою жизнь. А она качала головой и говорила, что это невозможно. Она не посмеет тронуть ниаду. Баордка гнала меня прочь. Где-то краем сознания я понимала, что она права. Надо бежать отсюда как можно скорее, как можно дальше, потому что меня раздерут на части, как только узнают, что я натворила... Там, за стеной, ждет свобода и тысячное войско моего брата, готовое свергнуть Валлас. Но я не могла уйти.

Я не могла его оставить там одного. Моя ненависть, моя нетерпимость не дала мне увидеть правду. Люди слепы в жажде мести. Они смотрят глазами ярости на всё, что их окружает, и ярость искажает восприятие. Отец всегда говорил, что эмоции – извечный враг в любой войне. Я же превратила их в оружие против того, кто любил меня. Но разве что-нибудь изменилось бы, узнай я его раньше? Разве не стояли бы между нами реки крови, убитый брат и мои растерзанные воины? Разве не дала я клятву уничтожить проклятого меида при первой же возможности? Слишком многое стояло между нами и будет стоять всегда. Мы враги и останемся ими навечно. Это впитано с молоком матери.

– Уходи, я сказала. Уходи. Все не такое, как тебе кажется, а Сивар не имеет права говорить. Поздно теперь! Прочь отсюда! Прочь из Валласа!

Сивар трясла грязными сальными волосами и тыкала указательным пальцем на выход из кельи.

– Я убила его! Я...не знала, кто он... и убила его! Из-за тебя! Ты дала мне яд! Ты дала мне две дозы, проклятая старая ведьма! Ты должна спасти его!

– Уходи! Ты сделала то, что должна была сделать. То, чего хотела! Этого не изменить и не исправить!

– Ты можешь исправить! Я знаю, что можешь! НЕТ! Я не уйду! Я утяну тебя за собой. Я останусь здесь и скажу, что ты дала мне яд, что ты подговорила меня, и мы будем гореть вместе на соседних кострах.

– Иллин покарает Сивар, если она не будет молчать.

Ведьма сделала шаг к решётке, и ее белесые глаза вдруг стали затягиваться черной пеленой, заменившей туманную светлую.

– Разве Сивар не хочет жить?

– Сивар сделала всё для ниады. Сивар – преданная слуга Иллина. Сивар дала ниаде то, что она хотела, а значит, то, что хотел Иллин.

По коже пробежали мурашки. От понимания. Она знала. Она предвидела мой поступок! Я прижалась к решётке и прошептала:

– Чья слуга? Что ты несешь, старая ведьма?! Если он умрёт, твоя смерть будет в сотни раз мучительней. Я клянусь тебе. Ты не спасешь меня. Я останусь здесь, а ты вместе со мной и твой Иллин, или кому ты там поклоняешься, сожжет тебя заживо!

– Сивар здесь ни при чем. Она будет молчать. Ниада сама сделала свой выбор.

Она не смотрела на меня, беззвучно шептала свои молитвы или проклятия. Я изо всех сил дернула решётку.

– Дай мне противоядие...заклинаю. Я должна убедиться, что он жив...и я уйду. Клянусь, уйду. Ты ведь этого хотела? Чтоб я ушла?

Ведьма запрыгнула на решётку, как дикое животное, цепляясь когтями за сетку и дыша зловонием мне в лицо, но я даже не пошевелилась.

– И тогда ты уйдешь? Клянеееееешьсяя? Не лги старой мадоре!

– Клянусь! Я уйду!

Сивар протянула скрюченный палец и провела им по моей щеке, цепляя длинным когтем слезу, рассматривая на тусклом свете от свеч, на ее уродливом лице отразилось недоумение.

– Когда заплачет ниада слезами кровавыми по Безликому убийце, придет Хаос на землю и баорды обретут свободу. Легенда...сбывается? Быть этого не может! Так гласило пророчество Ягора, великого жреца, да упокой звезды его душу! Но никто не верил...его считали безумцем...а они кровавые...твой слезы.

Облизала палец и склонила голову набок, её глаза вдруг приобрели самый обыкновенный янтарный цвет, заставив меня вздрогнуть от того, что ведьма впервые посмотрела прямо на меня. «Свободааааа» – зашипела она, раскачиваясь на решётке в каком-то жутком танце, а потом вдруг снова впиалась в меня осознанным цепким взглядом.

– Есть способ...Только связь эту между вами уже будет не разорвать...никогда. Запомни – никогда! Вечно привязана к нему будешь. Добровольно! И не будет вам покоя обоим ни на небе, ни на земле... и вместе не быть никогда. Выть от боли станешь, проклятая и никем непращенная! Даже им...Иллин отвернется от тебя, и гнев его будет страшен. Он покарает тебя. Согласна отречься, ниада?

Ее слова гудели в голове, как колокольный звон, вместе с закипающей кровью и бешено бьющимся пульсом. Чего мне уже бояться? Пророчеств Сивар? Легенд? Я никогда в это не верила. Люди слишком суеверны, а баорды вообще безумны. Иллин? Где он? В каком углу этого проклятого мира прячется? Никому я не принадлежу больше.

– Согласна.

На тонких губах-прорезях появилась жуткая улыбка. Она разделила лицо ведьмы наполам, как порез лезвием кинжала, в приоткрытой пасти шевелился кроваво-красный язык. Я невольно содрогнулась от волны омерзения. Баордка предвкушала что-то неизвестное мне. Она тряслась от этого предвкушения, и ее глаза сверкали в темноте, как у бешеной кошки.

– Кровь ниады, отданная добровольно, сделает её рабой того, кому дала испытать её. Привяжет навечно...намертво...Скрепит древним ритуалом хозяина и рабу его. Кровь ниады священна, и отдать её она может только Повелителю своему. Истинный...страшный грех отречения от Иллина – признать господином иного и быть проклятой каждой тварью на земле и на небе. Пятикнижье, первая строфа седьмой песни.

– Спасибо, – пробормотала я, бросаясь прочь из кельи и слыша вдогонку:

– Проклятой станешшшшь...проклятой...помниии Сивар предупредила. Сивар честная...

Я тронула пальцами повязку на запястье – влажная. Все ещё кровотоцит. А перед глазами алые капли на губах меида стекают по подбородку за воротник белой рубашки, окрашивают ее в цвет смерти и боли. Наверное, я тогда ещё не понимала, что это цвет моей боли и ...моей смерти. Меня прежней. Не понимала, на что обрекла себя в этот момент, но я бы поступила точно так же, если вернуть время вспять.

Рейн...вот как звучало его имя по-настоящему. И я столько раз произносила его с ненавистью, и вдруг именно сейчас оно зазвучало иначе.

Я тронула его веки пальцами, прижалась к ним губами и, судорожно выдохнув, бросила взгляд на окна – скоро будет светать. Под ладонью дернулось его сердце в громком ударе, дрогнули веки, и я вскочила, пятясь назад к двери...Понимая, что нет. Ничего не изменилось. Кем бы он ни был, Рейн дас Даал прежде всего валлассар и мой враг. Все остальное не имеет никакого значения. Только наше прошлое останется с нами... а будущего у нас нет и быть не может.

Спрятав лицо и волосы под капюшоном, я шла к воротам и вздрагивала от каждого шага и скрипа снега под ногами, силясь не обернуться на окна замка и даже по сторонам. Не привлекать внимание. Силуэт мальчика я заметила не сразу. Он сливался с тенями, отбрасываемыми голыми кустарниками, а когда я остановилась, лихорадочно всматриваясь в темноту, отделился от стены и сделал шаг ко мне. Маленький силуэт с опущенной головой и плечами.

– Лютер, – шепнула я, – это ты?

Он ничего не сказал, пошел вдоль стены, а я была слишком взволнованна, чтобы обращать на это внимание. Я пошла за ним, судорожно сжимая и разжимая пальцы, натягивая капюшон все ниже. Мальчик остановился у самого северного края стены, наклонился к насыпи из хвороста и веток. Он начал быстро раскидывать их в стороны, а я вместе с ним, бросая взгляды на маленькие пальцы без перчаток, удивляясь, что ему не холодно в этот лютый мороз, когда мои собственные даже в рукавицах прилипают к мерзлым веткам. В стене виднелся лаз из разобранных камней, мальчишка юркнул в него, а я за ним, чувствуя, как сердце бьется в горле все быстрее и быстрее. Оглянулась-таки на окна замка, лихорадочно отыскивая огни в комнате Рейна, но весь замок погружен во мрак, над шпилями из-за туч пробивается тусклый свет полной луны. Где-то завывают волки, и лают собаки. Обернулась к мальчику – стоит. Ждет меня. Как маленькое изваяние посреди белой пустыни, а потом снова пошел вперед к кромке леса, и я за ним, не оглядываясь, ускоряя шаг, утопая в сугробах и ощущая, как снова замерзаю и покрываюсь льдом... теперь он уже не под ногами. А вокруг меня. Тонким слоем холода покалывает кожу и сердце. Больно отречься добровольно. Больно ломать себя и сжигать эмоции, безжалостно засовывая их в раскаленные щипцы терпения. Но больней всего осознавать, что совсем не этого хочешь на самом деле... а слово «долг» свинцовой гирей давит надежду, превращая ее в осколки и жалкие крошки, которые разметает ветром жестокой реальности.

Где-то со стороны замка раздался громкий волчий вой, и я остановилась. Сердце на мгновение замерло, защемило в груди, засадила рана на запястье, и я невольно зажала её пальцами, слушая, как переливается по ветру жуткий вой, от которого кровь стынет в жилах.

Мальчик, наоборот, пошел ещё быстрее, я выдохнула и побежала за ним, приподнимая длинные юбки и проклиная неудобные сапоги.

В душе мрачная темнота, понимание, что бросила там на растерзание и Моран, и Галя. Теперь их никто не пощадит. Раздерут на части. Рейн накажет их за мой побег и за мое предательство. Сотня лассаров за каждое мое «нет»... и я не думала, что он сможет сжалиться над ними теперь... Внутри что-то болезненно дернулось. Я остановилась, медленно поворачивая голову к замку. А что, если я всё делаю неправильно? Что, если я могла поступить иначе? Что, если послать всё к Саанану и вернуться обратно? От бешеного желания сделать это свело скулы, и застучало быстрее сердце.

Меня окатило ледяной волной странного предчувствия... осознания чудовищной ошибки, и в тот же момент я увидела перед собой Лютера. Он наступал на меня с опущенной головой, загребая оборванными ботинками снег.

– Ты как здесь оказался? Ты же...

Нахмурилась, бросила взгляд назад – он же был достаточно далеко от меня. И внутри все похолодело: там... в нескольких метрах, ближе к лесу, ещё один Лютер шел вперед... а этот стоял рядом, не давая возможности сделать шаг назад, к замку. Луна вышла из-за туч, вытягивая тени от стены по белому сверкающему полотну, и крик застрял у меня в горле – Лютер тени не отбрасывал. Он медленно поднял голову, и я задохнулась, увидев пустые черные глазницы. Бросилась прочь, спотыкаясь, стараясь не упасть в снег. К лесу. За тем, за первым Лютером. От ужаса по спине покатился градом холодный пот.

– Лютеер! – крикнула я, но тот, первый, даже не обернулся, и я, захлебываясь собственным дыханием, увидела, что и он не отбрасывает тень. Бросила взгляд назад и в ужасе закри-

чала – их было уже пятеро. Одинаковых Лютеров. Они шли на меня сзади. Загоняли в лес. Молча. Равномерными шагами. Все так же опустив головы. Страшной походкой слепцов.

Свернула в сторону, к деревьям, задыхаясь, стараясь не оглядываться и не смотреть вперед. Только бежать, спотыкаясь, подворачивая ноги. Ни одной разумной мысли, ни одного объяснения. Только ужас. Первобытный и дикий ужас.

В лесу меня окружил мрак, заставляя громко всхлипывать и резко оборачиваться по сторонам, снова бежать, натываясь на деревья. Никогда в своей жизни мне не было настолько страшно. Мне казалось, я слышу тихие шаги Лютеров за спиной и волчий вой вдалеке. Сухие ветки впииваются в капюшон и в ноги, выдирают мне волосы, хлещут по лицу, оставляя кровавые царапины. Это похоже на кошмар. На самый жуткий кошмар из всех, что я когда-либо видела.

Оглянулась и закричала – они больше не походили на Лютера. На меня двигались тени. Они отделялись от деревьев и медленно ползли в мою сторону, подбираясь все ближе... растекаясь по снегу, как чудовищная адская паутина. Я снова бросилась бежать. В тишине слышно только мое рваное дыхание и биение сердца в ушах.

Осознание ослепляет яркими вспышками – меня заставили выйти за стену, чтобы отдать им... Меня обманули. Кто-то хотел, чтобы я это сделала. Кто-то так же позаботился о том, чтобы мне в этом не помешали.

Пальцы лихорадочно нащупали кинжал в кармане плаща, а умом я понимала, что это совершенно бесполезно. Те, кто меня преследуют, не люди. Я не смогу им навредить. Они лишь загоняют меня куда-то вглубь леса, чтобы убить. И когда я выскочила на берег озера, то поняла, что это конец. Дальше бежать некуда.

Озеро напоминало зеркало в рамке из насыпи снега и грязи. Треснувшее зеркало. Изломленное уродливыми шрамами. Посмотрела на тонкий лед и на туман, скользящий над мерзлой водой, а потом снова на тени. Не торопятся. Обступили меня кольцом, и я попятилась назад, чувствуя, как шевелятся волосы... и не от ветра, а от ужаса – во мраке я заметила сверкающие точки. Они приближались из темноты все быстрее и быстрее. Я судорожно выдохнула, когда поняла, кто это. Волки. Такие же огромные, как тот, что спас меня от баордов.

Только теперь их много, и они явно сопровождают своих мрачных и жутких хозяев, напоминающих людские силуэты в длинных плащах. Я двинула рукой, сжимая кинжал сильнее, и они оскалились, нагибая головы, наступая на меня, заставляя двигаться назад. К воде. Я снова посмотрела на блестящую зеркальную гладь озера, на трещины с вырывающимися из-под них клубами пара и жутких тварей с оскаленными ртами, на черные провалы вместо лиц у их хозяев. По спине поползли мурашки... и от понимания замерло сердце – они дают мне право выбора. Либо я ступлю в озеро, либо они раздерут меня на части здесь, на берегу. Тихое рычание отозвалось сильным ударом сердца, почти болезненным, и я сделала ещё один шаг назад. Под ногами затрещала кромка тонкого льда, и я упала на колени.

Они наступали медленно. Сначала гайлары, а следом за ними тени, расползаясь паутиной по белому снегу, надвигаясь неумолимо и монотонно, заставляя с ужасом пятиться все дальше... уже по льду, а он потрескивает у меня за спиной, раскалываясь на части, и из-под него вырываются алые сполохи. Наверное, я бы молилась, если бы не была настолько напугана. Губы беззвучно шевелились... я не знала, что произношу, не знала, что нужно произносить.

Я лишь понимала, что меня заманили в ловушку. В адский капкан, из которого я уже не выйду. Один из волков зарычал уже громко и клацнул огромными клыками, надвигаясь на меня. Другие не торопились, они словно ждали какого-то знака, а я понимала, что если пошевелюсь, то они все набросятся на меня и раздерут на части. Я видела алчную жажу смерти в их горящих глазах, чувствовала, как она витает в воздухе вместе с запахом смерти. Моей смерти. Потому что живой они меня отсюда не выпустят... если только не случится чуда. Но

в чудеса я не верила никогда. В нашем мире их не бывает... В монстров я тоже не верила, но сейчас я находилась в эпицентре самого жуткого кошмара, и монстры окружали меня со всех сторон. Не звери и не люди. Некто... из самых темных глубин неизвестности. То самое зло, о котором говорят шепотом и боятся верить, что оно существует.

А потом они все замерли, и я увидела, как медленно поднимается дыбом их шерсть. Увидела, как они пригибают головы, прижимая уши, и начинают рычать, приносясь. Утробный рык... глухой, словно увидели то, чего не вижу я. Хруст веток и завывание ветра заставляют кровь застывать в жилах от предчувствия, что это далеко не все монстры, которых я увидела этой ночью... и что-то мне подсказывало, что самого страшного я пока ещё не видела... но видят и чувствуют они. Слегка поджали хвосты. Напряглись в ожидании.

Твари резко повернули массивные головы, и я сама вскрикнула, когда между мной и ими на лапы опустился черный волк. Страшный, как саананское отродье из Преисподней с вырывающимися клубами пара из ноздрей и светящимися глазами убийцы.

Гайлары оглушительно зарычали, но его рев перекрыл их голоса. Из-под длинных когтей столпом вырвались комья снега и грязи. Тяжело дыша, я дрожала всем телом, леденея от панического ужаса. Потому что этот был слишком близок ко мне. Ему нужно было всего лишь обернуться и сомкнуть челюсти у меня на горле, но он не оборачивался.

Ощетинившись, смотрел на своих собратьев. Я увидела, как один из гайларов сделал шаг вперед, и черный волк приготовился к прыжку, нагнув голову. Под шерстью бурлили массивные мускулы, заставляя щетину волнами перекачиваться по огромному телу вдоль хребта, поднимая ее дыбом. Один из волков метнулся в мою сторону, но черный преградил ему дорогу, наклоняясь ниже, расставив массивные лапы с утробным рыком, от которого по телу пробежали мурашки.

Тени подняли беспальные руки, и свора волков бросилась на черного одновременно.

Они сцепились жутким клубком с оглушительным рычанием и воем, хрустом и клещением челюстей. Снег окрашивался в ярко-алый цвет. Я не знала, что происходит. Мне казалось, что это кошмар в кошмаре и монстры убивают друг друга за право сожрать меня первыми. Я невольно следила, как мелькает среди бурой и светлой шерсти лоснящаяся иссиня-черная. Ошметки мяса и шерсти летели в разные стороны. Задышавшись я видела, как черный волк с остервенением перегрызает горло и грудные клетки других волков. Как выдирает оскаленной пастью сердца и по жуткой морде ручьями стекает кровь. Хотела бежать, но едва сделала шаг, как черный метнулся ко мне с громким рыком, оскалив окровавленную пасть. Рыдая от ужаса, я замерла на месте и тут же увидела, как ему на спину бросились несколько гайларов, впиваясь в холку, раздирая шею. Он мотнул массивной головой, стряхивая с себя тварей... а я вдруг почувствовала, как по ладони заструилось что-то горячее, опустила взгляд и в ужасе увидела, как по пальцам стекает кровь из-под мокрой насквозь повязки. Я зажмурилась, сжимая запястье. Умоляя себя проснуться. Прийти в себя от кошмара. Это не может происходить на самом деле. Этого вообще не может происходить. Но звуки ломающихся костей и чавканье плоти сводили с ума своей реальностью. Заставляли вздрагивать от каждого воя или рыка. Мне почему-то казалось, что если они убьют черного волка, умру и я. Когда все наконец-то стихло, я все равно боялась открыть глаза. Так и сидела в снегу, сцепив пальцы, тяжело и рвано дыша. Подняла взгляд и судорожно всхлипнула – все усыпано ошметками мяса и конечностей, разорванными тушами и внутренностями. Тени исчезли. Я сидела в окружении мертвых гайларов и крови, она ручейками стекала в озеро, расплываясь по снегу чудовищными узорами.

Медленно поднялась с колен, двинулась в сторону леса, стараясь не вступить в кровь, а потом меня беспощадно затошнило. Я закричала, закрывая рот двумя руками – вместо волчьих лап в снегу валялись человеческие руки и ноги... а туши слишком напоминали развороченные людские тела.

Обезумев от ужаса, я бросилась вглубь леса, но ноги не держали меня, колени подгибались, а ещё я понимала, что чем глубже уйду в лес, тем сложнее будет из него выбраться. Я осела на снег, прислоняясь спиной к стволу дерева, размазывая по щекам слезы. Пусть наступит рассвет... и все исчезнет. Пусть я проснусь и никогда больше не увижу этого снова.

Вздрагивая и всхлипывая, прислушивалась к малейшему шороху. Вскрикнула, когда увидела черного волка, показавшегося из-за деревьев. Он шел ко мне, а я вжалась в дерево и не сводила с него расширенных от ужаса глаз. Пока он не поравнялся со мной, глядя мне в глаза, обнюхивая мое лицо, заставляя замереть и не шевелиться.

Шершавый язык лизнул царапину на щеке. Волк ткнулся носом мне в шею...продолжая нюхать мою кожу и волосы, а потом задрал окровавленную морду вверх и громко завыл. Триумфально. С переливами.

Я понимала, что означает этот вой, – он победил...но что нужно победителю? Не сожрет ли он свою добычу, за которую так жестоко дрался с собратьями. Волк медленно опустил в снег к моим ногам и положил окровавленную морду мне на колени. Заледеневшие руки обдало жаром его дыхания. Он смотрел на меня страшными зелеными глазами и из приоткрытой пасти вырывались клубы пара, согревая мне ладони. Медленно закрыл глаза, а я растерянно рассматривала глубокие раны у него на шее и на морде. Поверх старых шрамов... Я его узнала. Это был «мой» волк. Тот самый, что спас меня от баордов. Вот он, рваный шрам на его пасти до самого уха.

– Кто ты?

Он пошевелил ушами, но глаза не открыл, и я слышала, как тяжело он дышит. Видела, как кровоточат рваные раны у него на шее.

– Почему ты мне помогаешь?

Осторожно провела пальцами по его голове, и он вздрогнул... Вдалеке послышался топот копыт и мужские голоса. Они говорили на валласком.

Глава вторая. Одеия

Я дернулась, но волк тихо зарычал, не давая мне пошевелиться... Приподнял морду, прихихиваясь, упираясь лапами по обе стороны от моих дрожащих коленей. От него исходил животный жар и запах зверя, отчетливо-яркий и въедливый, он впивался в легкие, заставляя трястись от суеверного страха. Я не верила в гайларов, но этот волк не походил ни на одного из виденных мною ранее, как и те... у берега озера. И этот взгляд, от него покалывало кончики пальцев. Он смотрел прямо в душу. Гипнотизируя и удерживая внимание. Именно так хищник смотрит на жертву, давая ей понять, что у нее уже давно не осталось выбора и она должна смириться со своей участью.

Несмотря на то, что зверь меня спас, я боялась его так же сильно, как и его собратьев. Тяжело дыша, смотрела в его глаза цвета мокрой листвы на фоне грозового неба, зеленое на светло-сером, а в расширенных зрачках мое отражение поблескивает. Я не смела пошевелиться и громко вздохнуть. Он, словно приказывал мне молчать. Да я бы и не кричала. Не знаю, кто был опасен для меня в этот момент больше – этот хищник или валласский дозор. Кто знает, может, это меня они ищут в предрассветных сумерках. Мой побег уже могли обнаружить... Сердце болезненно сжалось от мысли, что у меня могло ничего не получиться, и люди Рейна нашли в его комнате бездыханное тело... Но валласские горны молчали и не пели траурной мелодии, а это давало надежду, что у меня всё же получилось. Но тогда Рейн пошел по моему следу, и он не пощадит меня, если найдет.

Голоса доносились совсем рядом, а волк продолжал смотреть мне в глаза, по обсидиановой шерсти медленно скатывалась алая струйка крови. Капля зависла, дрожа на концах блестящих ворсинок, и упала мне на руку. Я вздрогнула, как от ожога, и опустила взгляд на свое запястье, а потом снова посмотрела волку в глаза. Умные глаза, сосредоточенные. Это не взгляд животного – это взгляд человека. Осознанный взгляд, он прекрасно понимает, что делает и чего хочет. Он хотел, чтобы я сейчас молчала. Перед глазами снова промелькнули жуткие картинки оторванных человеческих конечностей и раскиданных по снегу внутренностей. Судорожно глотнула воздух, стараясь не думать об этом... Мне могло привидеться. Я была слишком напугана. Может быть, баордка нагнала на меня чары, говорят они способны на это.

Он выжидал, и я вместе с ним. Сильное тело зверя напряглось, готовое к атаке, а я сильнее сжимала пальцами кинжал, готовая драться с воинами Даала, но не дать им взять себя в плен. Если они выйдут к озеру, то увидят растерзанные тела других волков и тогда они могут привести сюда отряд валлассаров. Начать прочесывать лес. Но дозорные проехали вдоль кромки леса, и их голоса начали стихать, как и топот копыт. Лапы волка дрогнули, и он снова опустился в снег, но голову мне на колени уже не положил... он продолжал смотреть на меня. По морде всё так же сочится кровь, но он даже не обращает на нее внимание.

Тяжело вздохнув, осмотрелась по сторонам – мне нужно уходить отсюда. Идти в сторону дороги. Если Галь не обманул, то войско Маагара идет на Валлас, и у меня есть все шансы встретиться с братом уже сегодня. Я попыталась встать, но в тот же момент волк оскалился и зарычал. Я снова замерла.

– Мне надо идти... Мы не можем оставаться здесь. Мы замерзнем... Я замерзну, понимаешь? Я не ты. Я – человек.

Смотрит на меня, но пошевелиться не дает, удерживает лапами. Он кажется спокойным... но только я делаю движение, как он рычит мне в лицо, заставляя жмуриться от ужаса.

– Я не могу здесь сидеть. Мне холодно!

Несколько секунд смотрит на меня, а потом поднимается на лапы, и я выдыхаю с облегчением. Вот так. Пусть отпустит меня. Пусть уходит. Только зверь и не думает уходить, он хватается меня за рукав огромными клыками и тянет в сторону.

– Куда? Нееет. Я не пойду с тобой. Нам не по пути. Мне нужно выбираться из леса.

Но едва я делаю шаг, как от его рыка стынет кровь в жилах и от жуткого оскала бросает в дрожь. С ужасом начинаю осознавать, что стала пленницей зверя, который неизвестно зачем спас меня и теперь не дает уйти.

– Чего ты хочешь? Зачем я тебе?

Снова тянет за рукав и идет впереди, я понимаю – ему надо, чтоб я шла за ним. О, Иллин, только этого мне не хватало! Надо бежать. Сейчас. Пока он не понял, что происходит. Подхватив юбки, метнулась в сторону, за деревья. Волк ранен. Тяжело ранен. Может быть, мне удастся удрасть от него. Петляя между стволами елей, я бежала в сторону замка. Мне бы выбраться из чащи и возле кромки леса пробираться к дороге. Волк не станет преследовать меня там, где могут быть люди. Валласский дозор устроил на них охоту после тех страшных смертей у стены и у озера.

Быстро оглядываясь назад, я перескакивала через кочки, поваленные деревья и коряги. За спиной раздался громкий вой, а я от страха спотыкалась о подол платья, падала и снова поднималась. Дыхания уже давно не хватало, оно раздирало грудную клетку, обжигало пересохшее горло. Быстрый взгляд назад, и от ужаса из груди вырывается крик – ярко-зеленые светящиеся точки слишком близко, и огромное тело зависло в прыжке надо мной. Сильным толчком монстр опрокинул меня в снег, и я почувствовала, как на горле сомкнулись клыки. Невероятно стремительно. Я тихо всхлипнула, впиваясь рукой ему в шерсть, пытаюсь оттолкнуть от себя, полосуя кинжалом по спине. Но он даже не шелохнулся, только челюсти сильнее сжал, показывая мне, что ещё одно движение и перекусит меня, как цыплёнка. Когтистые лапы придавили к земле, раздирая кожу на груди. От боли и ужаса перехватило дыхание. Несколько секунд, чтобы понять – я с ним не справлюсь. Пока надо делать то, что он хочет... Я сбегу потом. Чуть позже. Наверное.

Хищник подождал, пока я перестану дергаться, разомкнул челюсти и впился клыками в капюшон плаща, потащил меня по снегу за собой, как тряпичную куклу. Я пыталась цепляться за деревья, за снег, но только ломала ногти, и все тело саднило от ударов о землю и о коряги. Прочесала лицом по комьям льда, когда он стянул меня вниз к небольшому рву. На горле все ещё ощущалась его хватка и мне стало страшно, что, пока он дотянет меня до только ему известного места назначения, я переломаю себе все кости, и на мне не останется живого места.

Я захлебывалась стонами и всхлипами, а он равнодушно продолжал тащить, не обращая внимания на мои крики.

– Отпусти! Я сама пойду. Отпустиии... мне больно! – кричу и понимаю, что зря. Ему наплевать... а, может, это я всё придумала, и зверь меня не понимает, – Пожалуйста... Я сама.

Волк остановился. Помедлил немного и отпустил, но едва я приподняла голову, зарычал мне в лицо с такой силой, что волосы откинуло назад, как от порыва ветра.

– Я поняла... Хорошо. Я все поняла.

Взгляд пристально-страшный, а ноздри раздуваются, и он словно принюхивается к запаху моей крови, которой залило корсаж платья. Не дыша, поднялась на ноги, не переставая смотреть в жуткие глаза зверя. Он же равнодушно отвернулся, уже уверенный, что я покорно пойду следом.

Иду за ним, а по телу все ещё пробегают дрожь ужаса, когда слышу его рычание, но все же иду, сильнее сжимая пальцами кинжал. Если не отпустит, мне придется сражаться с ним... но

я уже совершенно не уверена, что выйду из этого боя победительницей. Ему эти удары были, как комариные укусы. Точнее, я уверена в обратном: он перегрызет мне глотку в два счета. Зверь дал мне это понять настолько явно, что у меня не осталось ни малейшего сомнения: когда он захочет, то убьет меня так же быстро и легко, как ломает ветки массивными лапами. Волк плутает между деревьев, иногда бросая на меня взгляды и предостерегая тихим рокотом даже не думать о побеге. Эта тварь умнее, чем я могла себе даже представить... Эта тварь слишком похожа на человека... и от этих мыслей по коже снова ползут мурашки ужаса.

– Отпусти меня! – с рыданием... жалобно. Понимая, что он уводит меня все дальше и дальше в чашу. Мне никогда уже не выйти оттуда самой, и меня никто не найдет здесь. – Пожалуйста. Отпусти. Зачем я тебе?

Не оборачивается, идет вперед, оставляя кровавые следы на снегу, слегка прихрамывая на израненную лапу. Такой огромный и жуткий, что, кажется, даже деревья не шевелят ветвями, когда он проходит мимо. Луна отбрасывает блики на снег, переливаясь искрами-драгоценными камнями, путаясь в его блестящей шерсти.

Я смиренно иду за ним следом, потому что и так слишком далеко зашла и обратно мне не выйти, да и он не даст. Уверенно бежит впереди, уже не оборачиваясь на меня. Знает, что мне некуда деться. Умная тварь. Может быть, он ведет меня к своим, чтобы разделить трапезу. Я где-то читала, что волки живут стаями... Он же волк? Просто огромный и страшный... но волк. Он же не может быть кем-то другим. А там... у озера мне просто показалось. Потому что это слишком страшно, чтобы быть правдой. Если я начну в это верить, то сойду с ума.

Волк остановился у массивной старой ели и потянул ветки, припорошенные снегом, у самого подножия, открывая лаз в глубокую берлогу, больше похожую на медвежью яму. Выжидающе смотрит на меня, а я отрицательно качаю головой, уже не сдерживая слез отчаяния. Мне из нее потом самой ни за что не выбраться.

– НЕТ! Я не полезу туда!

Легкий оскал и шаг ко мне. Заставляя сделать шаг назад.

– Нет!

Но я прекрасно осознавала, насколько беспомощна перед ним... а ещё и то, что моя плоть не жгла зверя. Теперь я совершенно безоружна и слаба, как слепой котенок. Но самое страшное – я не знала, как себя вести. Это не человек. Любое мое движение могло разозлить или раздражить его, вызвать агрессию, и тогда я умру жуткой мучительной смертью. Как те баорды, которых он жрал при мне живьем. Волк приподнялся на дыбы и толкнул меня в мягкую насыпь из лап елей... Я даже закричать не успела. Тут же вскочила на ноги, оглядываясь по сторонам.

От удивления замерла на секунду – яма не вырыта зверем. В ней явно побывал человек, либо именно человек ее и создал. Она вся выстелена медвежьими шкурами, и на стенах по бокам прибиты железными скобами факелы, а на полу следы от разведенного ранее костра. Да и слишком глубока она для звериного пристанища. Волк все ещё смотрел на меня сверху, а потом потянул за ветки, закрывая лаз. Он ушел... не знаю, стало ли мне от этого легче или ещё страшнее.

Я медленно опустилась на шкуры, кутаясь в разодранный плащ и чувствуя, как дрожу то ли от пережитого ужаса, то ли от холода.

Не помню, как долго просидела там одна. Сквозь толстые лапы ели дневной свет почти не пробивался, и я, скорее, угадывала время суток, чем видела. Страх сменило какое-то оцепенение и прострация. Мой мозг отказывался что-либо воспринимать. У меня не было ни малейшего плана, как отсюда выбраться. Я пыталась. И ползти по стене, и натаскать шкур, складывая одну на другую, и бросить ветки, но только ободрала руки о мерзлую землю и выбилась из сил. Ближе к ночи мною овладело отчаяние. Я вздрагивала от каждого шороха наверху, от завыва-

ния ветра. Меня пугала каждая тень на стене и шелест падающего снега. Наверное, именно так люди сходят с ума – от безысходности и понимания, что к ним подкрадывается смерть, и самое страшное – у нее нет лица, нет оскала зверя... у нее даже нет запаха, она соткана из тишины и холода. Из полнейшего, ужасающего одиночества. Я бы кричала, но кто меня услышит здесь? А если и услышат, то это может быть кто угодно. Я слишком измотана и беспомощна сейчас. Надо немного поспать, набраться сил и потом думать, как выбираться отсюда. Должен быть выход. Он всегда есть. Так учил меня отец. Од Первый не верил в безвыходные ситуации. Говорил, что так считают лишь безмозглые идиоты или лентяи. Но я сейчас мало походила на велиарию Валласа, да и на воина тоже. В разодранной грязной одежде, израненная и замерзшая, я была просто женщиной. Слабой и испуганной. Загнанной в ловушку ужасным зверем, которому место только в легендах и поверьях лассаров.

Я замерзала и мне уже хотелось, чтобы он вернулся обратно. Пусть вернется и сожрет меня. Так будет правильно. Так, видимо, и должно было быть. Но волк не возвращался, а я лежала под шкурами и дрожала от холода и от паники. Когда совсем стемнело, я провалилась в сон. Тревожный, полный обрывочных кошмаров. Мне чудились тени, оскаленные пасти волков, жуткое лицо баордки, ее голос, с шипением выносящий мне приговор. Я просыпалась и мне хотелось кричать, но я боялась, что меня могут услышать. Те жуткие тени без плоти.

Ближе к вечеру я подумала о том, что могу обрезать волосы и сплести из них веревку. Может быть, именно так мне удастся выбраться из ямы. Но когда отрезала первую прядь, вернулся волк.

Вернулся неожиданно. Мягко спрыгнул вниз и опалил мне лицо горячим дыханием, заставив вскочить на шкурах и вжаться в стену, силясь разглядеть силуэт чудовища, склонившегося надо мной. От него пахло зверем и легким дымком от костра. Но именно с его появлением мне перестало казаться, что ко мне подкрадывается смерть. Может быть, потому что он сам и был ее олицетворением во плоти. Он тихо зарычал, глядя на кинжал в моих руках, и я медленно разжала пальцы. Красная прядь упала на пол, и волк склонил к ней морду, обнюхивая, а потом снова посмотрел на меня, заставляя поежиться и стиснуть пальцы в кулаки.

Зверь швырнул мне в ноги какой-то сверток и выжидающе уставился на меня в темноте. Развернув тряпку, я обнаружила две фляги, мясо, завернутое в бумагу, и кожаную сумочку с кресалом, кремнием, льняным трутом и обрывками старых тряпок.

Ледяными пальцами довольно трудно разжигать огонь, и мне это удалось далеко не сразу, но, когда удалось, я вскрикнула от радости.

В яме стало светло, и я протянула руки к костру, согревая окоченевшие, ободранные пальцы. Волк просто наблюдал за мной. Не шевелясь. Словно статуя с пристальным взглядом убийцы. Возможно он мне не доверял так же, как и я ему.

В одной из фляг оказался дамас, а в бумаге прожаренные куски свинины. Я совершенно не представляла, где он все это достал. Возможно, напал на кого-то из дозорных. На кресале я видела герб дас Даалов. Но мне сейчас было все равно. Я слишком проголодалась и замерзла, чтобы задумываться, кого сожрал этот зверь, чтобы принести мне поесть. Но сам факт, что он это сделал, вводил в ступор и подтверждал мысли о том, что это не просто волк. Только задумываться сейчас об этом не хотелось.

Когда откусила мясо, застонав от наслаждения, бросила взгляд на хищника, продолжавшего смотреть на меня, и швырнула и ему кусок. Но он даже не шелохнулся. Мне показалось, что если бы он мог смеяться, то в этот момент, наверняка бы, оскалился в ухмылке.

– Не ешь свинину? Человечина вкуснее? Ну и не надо. Мне больше достанется. Или ты уже наелся? Разодрал того несчастного, у которого отобрал все это? Что смотришь на меня? Думаешь я сошла с ума?

Не знаю, почему я с ним разговаривала...наверное, это помогало мне не бояться его до истерической паники. Я отпила дамас и, глотнув воздух широко раскрытым ртом, с наслаждением почувствовала, как по телу разливается тепло. Вместе с ним приходило странное спокойствие. Если я все ещё жива, значит, мне пока везет. Несколько глотков дамаса добавили храбрости, и я опять заговорила со зверем.

– Если ты решил меня съесть, сделай это когда я усну, хорошо? И сделай это быстро. После твоих когтей всё так болит и жжет. Надеюсь ты знаешь, что такое милосердие.

Волк пошевелил ушами и шагнул ко мне, а я, расплескав дамас, снова вжалась в стену, бросая взгляды на кинжал. Волк приблизился настолько, что теперь опять ощущался его едкий звериный запах, от которого вставал дыбом каждый волосок на теле. Склонил голову и провел языком по моим ранам на груди, а я коротко всхлипывала, и от ожидания, что раздерет на ошметки, свело судорогой всё тело...но он не тронул, а раны перестали саднить и печь. Опустил морду ещё ниже и ткнулся ею в мои израненные пальцы. Лизнул шершавым языком... а я замерла, тяжело дыша и стараясь не дрожать.

Говорят, что страх вызывает всплеск адреналина, и звери его чувствуют. Если жертва боится, ее непременно сожрут или покусают. Но волк всего лишь зализывал ссадины на моих пальцах. А я, застыв, смотрела на его огромную голову – кое-где запеклась кровь, и просвечивали рваные раны. Он улегся рядом, согревая меня своим жаром и показывая всем видом, что не тронет. Снова бросила взгляд на кинжал...но желания убить волка уже не возникло.

– Не знаю, зачем ты это делаешь...понятия не имею. Но я не смогу вечно сидеть в этой яме. Рано или поздно тебе придется или отпустить меня, или...

Зверь приподнял голову и положил ее ко мне на колени, прикрывая глаза. Осеклась, вглядываясь в страшную морду. Странное ощущение, когда монстр проявляет своеобразную ласку. А ведь он уже дважды спас мне жизнь. И оба раза он вполне мог убить меня, но не сделал этого. Говорят, у каждого человека есть свой хранитель души...кто знает, может быть, это мой собственный. Пусть я никогда в это не верила, но сейчас мне хотелось верить...потому что иначе можно сойти с ума.

Тронула холку пальцами, слегка поглаживая...и волк повернул голову набок, подставляясь под ладони, которые окрасились его кровью. Вспомнила, как его грызли другие волки, и как я сама полосовала его кинжалом...наверное, этому чудовищу всё ещё больно.

Я протянула руку, чтобы посмотреть, насколько глубока его рана на шее, но он оскалился и дернул головой.

– Тишиишш...я только посмотрю. Я не сделаю тебе больно. Ты всегда можешь меня сожрать, если тебе не понравится.

Опять это странное чувство, что он понимает каждое мое слово. Снова протянула руку, касаясь шеи, раздвигая шерсть. Переводя взгляд на сверкающие глаза зверя и снова на рану. Глубокая с раздвинутыми рваными краями, обнажающими мясо и мышцы. Я оторвала от подола платья полоску шелка, намочила ее в дамасе и приложила к ране, промокая ее, дезинфицируя. Зверь не шевелился, позволяя мне вытирать кровь с его морды, шеи, массивной груди. Промыв раны, я завязала ему перебитую лапу, и сама легла на шкуры рядом. Не знаю, зачем я была нужна этому зверю...но он явно не собирался меня убивать или причинить мне вред. Поистине, не знаешь где дремлет настоящее добро...и что есть зло в этом мире. Возможно, я никогда этого и не узнаю.

Среди ночи проснулась от холода и от того, что поняла, я снова здесь одна. Волк ушел, а костер и факелы давно погасли. Вернулось чувство страха. И опять эта ужасающая тишина, от которой кровь стынет в жилах. Почему-то именно в тишине слышно, как оживают самые потаенные страхи. Мне начало казаться, что я слышу шорохи и треск веток. А потом по стенам поползли тени, они двигались очень медленно...подбираясь к моим ногам, и от ледяного

холода стало больно сделать вдох, изо рта вырывались клубы пара. Мне казалось, что эти тени пришли за мной, чтобы утянуть в самое пекло. Не знаю, как, но я выбралась из ямы и теперь бежала по лесу, натываясь на деревья. Они словно вырастали из-под земли, окружая меня в плотное кольцо, мешая бежать, стискивая ледяными стволами, царапая ветвями. Уханье совы заставляет вздрагивать от ужаса и оглядываться по сторонам...или это лес вращается вокруг меня, а я стою на месте, не зная куда бежать. И тени выходят ко мне из темноты, приобретая очертания всех тех, кто погиб из-за меня. Они тянут ко мне руки и стонут мое имя...они проклинают меня с того света за то, что я погубила их.

Я опять бежала и кричала, но не слышала своего голоса, он застревал в самом горле. Точно знала, что они ползут следом. Чудовищными змеями по белому снегу. Их тела, которые раскачивались на веревках или гнили на кольях.

Споткнулась и упала на что-то холодное, приподняла голову и увидела мертвого Аниса – он смотрел на меня белыми глазницами, как у баордки, его губы шевелились, и я услышала жуткий голос мадоры: «проклятааа...ты проклятааа...это ты виновата»...из рта Аниса выползла черная змея и начала оплетать мои руки, как веревка. От ужаса я кричала и рыдала в голос...но я по-прежнему не слышала ничего, кроме шипения змеи...и это она теперь произносила «проклятая ниада...проклятая сука».

Вскочила на шкурах, тяжело дыша и рыдая. Все ещё пребывая в кошмаре. А в висках пульсирует голос «это ты виновата...ты ...ты...ты».

Дернулась, когда в яму запрыгнул волк. Он сел возле меня, а я сама не поняла, как обхватила его за массивную шею, зарылась лицом в жесткую шерсть и зарыдала.

Шершавый язык чудовища собирал слезы с моих щёк, а я сильнее цеплялась за его шерсть и плакала навзрыд.

Потом я лежала на шкурах, глядя в темноту, и не могла уснуть. Я боялась, что он снова уйдет, и меня снова будут мучать кошмары. Почему-то рядом с ним мне не было так жутко. Может быть, потому что он и сам был частью нескончаемого кошмара и отгонял других тварей, менее сильных, чем он. Только щёки всё ещё были влажными то ли от слез, то ли после того как он облизал мое лицо. Почувствовала, как волк встал на лапы, и в отчаянии обхватив его за массивную шею, прошептала:

– Не уходи...пожалуйста. Мне так страшно оставаться одной.

И он не ушел. Улегся рядом со мной, согревая горячим телом. Я снова погрузилась в тревожный сон, все ещё продолжая обнимать зверя за шею.

Но утром, когда я резко поднялась на шкурах, услышав ржание лошадей и топот копыт, его опять не оказалось рядом... Голоса. Много голосов. Опять на валласском.

А потом до меня донесся голос, от которого по всему телу пошли мурашки, а сердце забилося в горле с такой силой, что я начала задыхаться.

Резко выдохнула и сцепила пальцы...а вот и смерть пришла за мной.

Глава третья. Дали. Лори

Я хлебала бульон, отрывая куски мяса зубами и запивая дамасом.

Поглядывала, как пленная дергает связанными руками и смотрит на меня украдкой. Забавная. Давно не видела аристократок. Уже и забыть успела, как сама носила такие платья, как мне укладывали волосы, и как пахла душистым мылом из ягод и трав. Картинки из прошлой жизни... Мне уже казалось, ее и не было. Да и к черту её! Не про меня это было.

А девчонка не бесхребетная овца. Вроде и боится, но огрызается и не подпускает к себе никого. Мужики на нее слюной изошлись. Никогда таких не видали. Для них она как само божество. Даже вот такая, в рваном платье, испачканном кровью ее людей и с растрепанными каштановыми волосами. Красивая. Той красотой, к которой никто из этих простолюдинов не привык, а некоторые и не видели никогда. Меня эта красота и завораживала, и бесила. Словно в глаза мне тыкала тем, чего я лишилась. Не зависть, нет. Я давно срослась с доспехами и оружием, а именно воспоминания и осознание, что вот эта сука – Одова будущая жена. Значит, такое же отродье, как и все лассарские псины.

Девчонка судорожно сглотнула, когда я откусила мясо и усмехнулась, у нее громко заурчало в животе. Запах жареной курицы кого угодно сведет с ума, а они с утра ничего не ели.

Молчит. Есть не просит. Вообще ничего не просит. Гордая. Велиария как никак... Боится до паники, но держит себя в руках. Взгляды на меня настороженно-презрительные бросает и дергает связанными руками.

Я тоже была такой вот настороженной, верила во что-то... когда. Впрочем, меня не пощадил, да и кормить не собирались, как и многих из тех, кто умер с голода в тесных, набитых рабами клетках. Так что это не плен здесь, а сказка, девочка.

Резко встала с табурета, и она тут же быстро отползла назад.

Я наклонилась к ней, поигрывая перед фарфоровым, бледным личиком острым кинжалом, глядя, как она вздрогнула. Одним взмахом распорол веревки на ее запястьях.

– Голодная? На ...поешь.

Поставила ей на колени миску с бульоном и мясом. Не оборачиваясь, вернулась к столу, вонзила кинжал в хлеб и, отрезав кусок, бросила рядом с ней на ковер.

– Носом не верти. Другого нет и не будет.

Я прикрыла глаза, сдерживая тошноту, подкатывавшую к горлу каждый раз при взгляде на эту женщину. Мне казалось, что это я откусываю куски от сочного мяса, я его глотаю, но вместо насыщения ощущаю только злость и бессилие. Я не чувствую его вкуса, лишь запах, манящий, изысканный. О, Иллин, как давно я не ела мясо! Как давно я не пробовала что-то, хотя бы отдаленно похожее на еду, которой наслаждались эти простолюдины здесь. В голодное время узнаешь цену даже черствому хлебу. Дас Туарнам наглядно показали, что такое нищета, и научили ценить любую пищу.

Веревки стягивают запястье, натирая кожу, нужно отвлечься на эту боль, чтобы не думать о голоде. О том, как раздирает он горло, заставляя глотать слюну и ненавидеть женщину за столом, бросающую насмешливые взгляды в мою сторону.

Она не просто главная у них, все эти мужчины боятся ее. Боятся панически, до абсурдной дрожи. Их страх витает в воздухе, вызывая желание узнать, кто же эта Далия, так они назы-

вали ее. Женщина в мужской одежде и с мужскими повадками, с хриплым голосом и слишком циничной для девушки улыбкой. Мы всегда боимся того, чего не понимаем, и я её боялась. Не знала, чего ожидать.

Едва не вскрикнула, когда она повела кинжалом перед самым лицом, только плотнее стиснула зубы и посмотрела прямо ей в глаза. А в них ветра гуляют тёмные, страшные, подобные тем, что с легкостью поднимают деревья в воздух, разрушают дома и храмы. Такие ветра, как говорил наш астрель, предвестники самого Саанана.

Разрезала веревки, и от облегчения у меня невольно брызнули слезы из глаз. Растираю запястья, мысленно кляня себя саму за эту слабость. Возвращаясь с охоты, Лу всегда говорил о том, что нельзя показывать зверю свой страх. Можно выказать ему уважение. Можно отступить назад, сложить лук и стрелы. Но никогда не показать ему, что ты его боишься. И сейчас у меня было ощущение, что рядом со мной такой же зверь, хищник, которому нельзя ни в коем случае позволить увидеть свою слабость.

– Голодная? На ...поешь.

– Носом не верти. Другого нет и не будет.

Знала бы она, что для меня эта миска сродни золотой чаше на алтаре в храме Иллина. Руки задрожали от желания впитаться, подобно ей, зубами в источающий божественный аромат кусок мяса. Пока она не кинула на пол хлеб. Словно собаке. Я сцепила пальцы вместе и вскинула голову, она наблюдает за мной с какой-то странной усмешкой, уверенная, что я не откажусь от еды.

– Я хочу знать, почему меня похитили? С какой целью?

Я рассматривала ее глаза. Интересные. Светло-карие и блестят то ли от слез, то ли лихорадит ее от голода. Грудь бешено вздымается, и порванный рукав плечо обнажил. Округлое, матовое, нежное. Невольно в вырез посмотрела и почувствовала прилив возбуждения. Грудь у нее маленькая, но полная, корсетом приподнята. Если дернуть материю вниз... Я перевела взгляд на ее руки. Пальцы тонкие стиснула и на еду старается не смотреть, а я ее голод в глазах вижу. Знаю, как они сверкают, когда не ел довольно долго, когда тело свои правила диктует, загрызая и гордость, и силу воли. Мне это чувство знакомо. Только я уже давно свободная, я делаю то, что хочу, а она ещё в своем велиарском мирке живет с запретами, этикетом... честью. Бесплезное слово в отношении лассаров.

Я ногу на табурет поставила, отпивая из фляги ещё один глоток дамаса. В голове слегка затуманилось, разморило меня после гонки и холода. Устали мы за эти дни.

– Знаешь, что обычно делают с пленными? Слышала? Папа или брат рассказывали тебе, зачем берут женщин в плен?

Подбросила кинжал и поймала за лезвие. Мне нравилось, что она боится. Пусть боится. Маленькая сучка, невеста Ода Первого. Интересно, он ее уже пользовал или берег для первой брачной ночи? Может, нарушить свои правила и испортить ее до того, как ему продам? Пусть прочувствует, каково это... когда любимого человека раздирают на части, а ты ничего не можешь сделать. Могла б – я б всю его семью у него на глазах вырезала. Впрочем, все ещё впереди.

По спине страх мурашками пополз, заставив поежиться и стиснуть пальцы сильнее. Потому что, да, я догадывалась. В нашем замке жила одна служанка, побывавшая в плену... И самым страшным было не то, что с ней сделали там, а то, как встретили дома. К собакам и то относились лучше.

Говорят, что Иллин сотворил людей по подобию своему. В таком случае, какой был смысл молиться тому, кто вместо того, чтобы помочь человеку выйти из грязи, предпочитает окунать его всё глубже в нее?

Тут же одёрнула себя, главное – не опустить глаза, несмотря на то, что очень сложно сидеть вот так перед ней, под ее насмешливым взглядом, на холодном полу, чувствуя, как пробирает дрожь от голода.

– В таком случае, вам сильно не повезло взять в плен всего двух.

Я смотрела, как она пренебрежительно глянула на кусок хлеба, и внутри поднималась волна ярости. В две секунды преодолела расстояние между нами и за шкуру подняла со шкур:

– Да что ты знаешь о плене? Что ты вообще можешь знать о том, насколько нам сейчас повезло? У многих в плену твоего проклятого жениха не то что хлеба не было, а воду из грязных луж хлебали и молились на небо, чтоб дождь полил.

О, она могла бы мне не рассказывать о моем женихе... Знала бы она, что он был проклят так же и мной. Бессердечное чудовище в обличье человека, которого ненавидели практически все, а остальные трусливо боялись. Хотя разве не я сама согласилась на его унижительное предложение стать женой, точно так же трусливо испугавшись за себя и своих родных? И разве можно оправдать торговлю собственным достоинством даже с целью накормить сотни людей?

Но той, что с такой яростью сейчас удерживала меня, необязательно было знать это. Я вскинула голову вверх, глядя в сузившиеся глаза:

– Позиция слабых – истово молиться кому-то там на небесах, вместо того, чтобы взять в руки свою судьбу

Я смотрела в карие глаза велеарии и чувствовала, как по телу проходят разряды неудержимой ярости. Вспышками картины из прошлого, и свист хлыста в ушах и звук раздираемой одежды, вопли... дикие вопли, которые снятся по ночам. Мои вопли. Какого Саанана я церемонюсь с этой лассарской тварью, которая с пренебрежением смотрит на наш хлеб? Каждое зерно стоило чьей – то жизни и чьей-то крови.

– У тебя есть выбор. Единственный выбор на данный момент и от него зависит, в каком состоянии тебя получит твой будущий супруг.

Я толкнула ее на колени и за затылок ткнула лицом к хлебу.

– Ешь! Давай! С пола! Нам этот хлеб кровью доставался, не то что твоему папочке и жениху. Ешь! И, может быть, ты сегодня не узнаешь, что означает позиция сильных и слабых... в этом месте.

О, Иллин, за какие грехи ты позволяешь мне так страдать и унижаться? Какие мои мысли показались тебе недостойными в моей беззаботной прежней жизни, что ты решил наказать меня таким жестоким способом? Я уже сомневаюсь, что ты вообще существуешь... Я перестаю верить, с каждым днём все больше и больше склоняясь к мысли, что только Саанан и правит в этом проклятом мире лжи и предательств. Всхлипнула от неожиданности, упав коленями на ковер, пока она сжимала сильными пальцами мою шею. Я схватила дрожащей ладо-

нюю хлеб и поднесла ко рту, невольно глубоко вдохнув его запах. Вспомнилось, как недавно кухарка испекла булку и траурным тоном объявила, что это были последние остатки муки, а, значит, хлеба мы не попробуем до лучших времен. Ослабевшая от голода она его уронила на пол, подавая на стол. Всплеснула руками и жалобно заплакала, присев на корточки перед ним. Тогда отец молча встал, поднял с пола, положил на стол и с невозмутимым видом начал резать его на тонкие куски. Видит Иллин, тогда нам казалось, мы не ели ничего вкуснее этого грязного хлеба. Но сейчас...сейчас подчиниться ей означало унизиться снова. А я слишком устала от собственного унижения, хотя и понимала умом, что Далия права. Что мне следует поесть, чтобы суметь дожидаться своего освобождения.

– Я очень ценю вашу заботу о себе и о моем женихе. Но я действительно не голодна. Раскрошить руками хлеб, инстинктивно сжимаясь в ожидании ее реакции.

Не знаю, что в меня вселилось в этот момент, я просто схватила ее за волосы и выволокла из шатра прямо туда, к костру, где мужики распивали дамас и жарили на огне картофель из запасов этой наглой, высокомерной суки. Раскрошенный хлеб и этот голосок, которым она так саркастически-невинно послала меня к Саанану, сорвали мне все планки. Мне хотелось крови, криков и ее боли. Много боли, чтоб упиться ею, чтоб захлебнуться и перестать видеть в ней себя.

– Эй, что приуныли? Я вам десерт принесла.

Толкнула девчонку в снег, увидела, как округлились глаза моих людей и вытянулись лица. Они знали наши законы – мы не насилуем женщин и детей, мы не обижаем пленных. Я подошла к ней сзади и полоснула по материи кинжалом, а потом сдернула с нее платье до пояса.

– Давайте. По очереди. У вас же никогда не было такой вкусной и красивой сучки? Что смотрите? Оттрахайте эту тварь.

– Дали.

– Не лезь, Бун. Я хочу, чтоб ее отымели. Сейчас и здесь. При мне.

Я обошла девчонку со всех сторон, видя, как зажмурилась, дрожа от холода, как прикрыла грудь руками. Красивая...породистая сучка. Мне хотелось, чтоб она ползала на коленях и умоляла пощадить ее. Сломать эту гордыню, пройтись грязью по белому холсту Ода Первого, испачкать его кровью.

– Как ты там сказала? Удел слабых молиться? Можешь начинать.

Вдали послышался шорох и приглушенный топот копыт. Из-за деревьев показался наш разведчик. Керн!

Наконец-то! Слава Геле! Вернулся. Чтоб его. Я обернулась к оторопевшим мужикам:

– Когда я вернусь, залейте ее тело кровью и спермой. Не щадить, но и не убивать. Приступайте.

Стиснув челюсти, стараясь не думать о девчонке, которая сдавленно закричала, едва я отошла с помощником за шатер. Послышался хохот рыжего Ласа и снова крики. Я не сомневалась, что именно этот начнет первым.

– Рассказывай, что там?! Почему так долго? Я уже думала, убили тебя.

Ударил по плечу и сильно жала.

– Заметал следы. Лассары повсюду, моя деса. В Лурде мятеж. Маагар Вийяр захватил замок. Дас Туарн обезглавлен.

Это было мгновенно, я ещё не успела осознать всё, что он сказал, как тут же поняла, что я должна это остановить. Меня как молнией поразило. Даже в голове сверкнуло, и волчица во мне оскалилась.

Я развернулась, быстрыми шагами... туда, к шатру.

– Хватит!

Но ослепленные похотью и многодневным голодом по женской ласке мои воины меня уже не слышали. Я дала им волю к насилию, и они не преминули ею воспользоваться. Склонились к девчонке и рвали на ней одежду, рыча, как животные.

Им иммадан! Проклятье! Их уже не остановить. Я метнула нож, и он со свистом вонзился в дерево прямо у головы рыжего, который навис над бешено орущей девчонкой и пытался раздвинуть ей ноги. Лезвие царапнуло ему висок.

– Всё! Отбой! Разошлись!

Он встал с колен, слегка пошатываясь, застегивая ширинку, глядя на меня бешеными глазами. С пьяной ненавистью за то, что помешала.

– Разошлись, я сказала... трахнешь кого-то в первой же деревне, в которую войдем. Обещаю. Остынь. Снегом умойся. Всё! Пошёл отсюда!

Я наклонилась к девчонке, рывком подняла со снега и, сдернув с себя плащ, укутала, как в кокон.

– Отдышись! Эй... Посмотри на меня!

Схватила за скулы, вглядываясь в затуманенные слезами глаза.

– Не тронет тебя никто. На! Глотай!

Сунула ей в руки дамас и заставила выпить.

– Вот так. Пошли. Начнем сначала.

Подтолкнула обратно к шатру.

Я смотрела на нее и на всех этих огромных, грязных мужчин, с сальными улыбками приближавшихся ко мне. Я слышала их развязные голоса и видела, как загораются неприкрытой похотью пьяные глаза. Холод пробирался всё глубже, уже не под одежду, он проникал под кожу, заставляя съеживаться. Но я не могла унять дрожь не от него, а от страха, охватившего все тело. Отступала назад, качая головой и онемевшими губами умоляя не подходить, пока не уткнулась спиной во что-то и не услышала громкий мужской смех над ухом.

– Попалась, куколка. Такая сладкая. Сладше сахара.

Огромные руки перехватили меня под грудью и начали лихорадочно ощупывать всё тело, сжимая до синяков. Я закричала, пытаясь отбиться от наступавшего спереди грома с похотливой улыбкой во весь рот, одновременно извиваясь и пытаясь сбросить с себя руки того, кто стоял сзади.

Папочка, помоги мне! Пожалуйста, помоги!

Мне казалось, я кричала это вслух, то вгрызаясь зубами в потные руки насильников, то крича от боли, от пощёчин и щипков. А в голове траурной мелодией один вопрос. Всё тот же, что и в последние месяцы. "За что?" Почему всё это происходит со мной? С нами. Мое бесчестие сейчас значило больше, чем смерть. Для Ода Первого, а, значит и для Туарнов.

Я закричала, выгнувшись от дикой боли, когда один из них больно сжал руками мои запястья, выворачивая руки, а второй, грязно ругаясь, пытался раздвинуть мои ноги.

А потом всё резко закончилось. Мне даже кажется, я на мгновение потеряла сознание, так как пришла в себя уже стоящей на ногах и закутанной в какую-то тряпку. Горло обожгло крепким напитком, опалившим внутренности, а предводительница этих нелюдей что-то гово-

рила мне и толкала к своему шатру. Будто издеваясь. Словно игрушку какую-то. Я остановилась, как вкопанная, а потом бросилась на нее и схватила одной рукой за волосы, второй стараясь влепить ей пощёчину.

– Не трогай меня, дрянь, – чувствуя, как накрывает истерикой, – не трогай меня никогда!

Ее истерика была такой естественной сейчас, какой-то правильной и вызывающей невольное уважение. Она боялась и в то же время не прогибалась, как трусливая овца, как ее служанка, которая чистила сапоги моим людям и уже легла с одним из них в шатре при других воинах, а завтра ляжет с другим, если этот пошлет куда подальше, и так, пока не найдет постоянного. Здесь все по рукам ходят. Жить хотят, любви и ласки. Не осуждала никогда, но и понять не пыталась.

Я перехватила ее хрупкие руки и глядя в огромные, наполненные слезами глаза, почувствовала, как всё внутри сжимается в тугой узел. Я слышала, что она там кричала...слышала каждое ее слово. Мне казалось, что я отгородилась своей ненавистью и жадой крови...только потому что девчонка не утратила остатки благородства и не превратилась в ту, в кого превратилась я, и всё же слышала, как она звала на помощь...Я тогда звала маму. Вот так, как и она. Плакала и звала маму...пока ее другие твари у меня на глазах...

Мое живое отражение...ещё не сломанное, но уже поставленное жизнью на колени, преданное и поруганное проклятым ублюдком Вийяром. Я опустила насильно ее руки, продолжая смотреть ей в глаза и сжимать тонкие запястья.

– Нет больше папочки, Лоризель...никого больше нет. Тебя предали так, как предали в свое время меня. Маагар дас Вийяр взял Лурд и казнил твоего отца.

Я не поверила ей. Я смотрела в ее большие синие глаза, из которых исчезли ненависть и ярость, и мне хотелось смеяться. Откуда ей знать? Ещё пару часов назад, когда солнце стояло высоко, она не знала моего имени, а сейчас, в сгущающихся сумерках она смеет мне нести такую весть?

Засмеялась истерически, громко, чувствуя, как снова пробирает дрожь от холода, он забивается под плащ и касается ледяными пальцами моих плеч и спины.

– Ты лжёшь. Мой отец жив...Маагар Дас Вийяр не мог пойти против своего отца.

Я сильно сжала ее руки, чувствуя, как и сама холодею внутри. Вот это неверие...это отрицание. Я тоже долго не могла поверить, что выжила только я. Долго не могла поверить, что нас предал тот, кто сидел с нами за одним столом ещё несколько дней назад.

– Мой разведчик вернулся из Лурда. В Талладасе новый велиар – старший сын Ода Первого. Твоего отца обезглавили. Вийяры не всегда держат свое слово.

Тряхнула её за плечи, заставляя смотреть на меня. А мне стали казаться невыносимыми её огромные глаза и слезы, застывшие в них...И каким-то кровавым узором складывались картинки...

– Мою семью он предал точно так же. Идем в шатер, холодно здесь. Давай. Застудишься босиком.

Меня втащили в шатёр и оставили там одну оплакивать свое горе. И за это я была благодарна ей сейчас. Той, которая только что едва не позволила растерзать меня. Той, которая сообщила с какой-то долей сочувствия в голосе эту новость. Но мне не нужно было ее сочувствие. Я хотела одного – одиночества, чтобы полностью отдаться этой опустошенности, в которую меня только что окунули. Я не верила ее словам и продолжала тихо всхлипывать, сжимая замерзшими пальцами плечи, впиваясь ногтями в кожу, чтобы унять ту боль, которая сейчас резала будто ножом. Изнутри. Я чувствовала каждое его движение, извивалась от проникновений острого лезвия, продолжая убеждать себя в том, что такого не может быть. Зачем Оду Первому предлагать мне замужество и отправлять дары в Лурд, если он мог с самого начала поступить именно так: захватить город и уничтожить нашу семью? Или сын всё же ослушался своего отца?

Лезвие под кожей всё быстрее наносило удары, заставляя выть от нестерпимой боли и непонимания. Я молилась. Да, я молилась Иллину и всем остальным богам, которых только могли почитать люди, чтобы всё это оказалось страшным сном. Конечно, сном. Сейчас Тила разбудит меня, и мы спустимся к моему отцу. Он улыбнется устало и пригласит меня к скудному обеденному столу. Живой и здоровый. А потом... потом я буду умолять его гнать посланников из Лассара в Преисподнюю, откуда их отправили к нам. Вот только сердце сжимали холодные тиски осознания, что в любом случае нас ждал именно такой исход.

Я не знаю, сколько времени провела наедине с собой. Очнулась только когда предводительница разбойников снова вошла в шатёр и, скрестив руки на груди, встала передо мной, глядя сверху вниз.

– Я уважаю твое право оплакивать свои потери. Но в нашем отряде есть те, кому не повезло ещё больше, чем тебе. И все они, несмотря ни на что, всё ещё хотят жить и мстить. Я предлагаю тебе, Лоризель дас Туарн, остаться с нами и идти на Лассар, отомстить за свой народ и своего отца. Или же убираться отсюда прямо сейчас. Пришло время сделать свой выбор, девочка.

Я горько засмеялась, чувствуя, как продолжают катиться из глаз слёзы, как сжимается желудок от страха, и всё ещё колотит от мысли, что придется выбирать. Да и о каком выборе говорит эта женщина? У меня не осталось ни дома, ни близких. Мне некуда возвращаться, и мне больше не к кому идти.

Встала, чуть пошатываясь от слабости в коленях, схватившись за ее протянутую руку, и посмотрела в уверенное лицо Далии. Увидела по глазам – она знала, что я выберу.

– Я остаюсь с вами.

Глава четвертая. Рейн

Я смотрел на языки пламени в камине и жадно прикладывался к фляге с дамасом. В голове шумело и гудело. Моя комната напоминала ристалище. Я разнёс в ней всё, что попало под руку. Сам не помню, как ломал и крушил полки, трюмо, картины. В замке воцарилась гробовая тишина. Каждая тварь тряслась от ужаса, ожидая, на кого обрушится мой гнев. Никто не смел сунуться ко мне в комнату. Только под окнами толпа зудела, как улей пчёл. Они ждали. Сегодня я ненавидел каждого из них. В эту секунду я не был валлассарским велиаром, я был тем, чью женщину собирались казнить. Вот эта свора людишек приняла решение за меня, и я обязан удовлетворить их желание, потому что не имею права пощадить убийцу валлассарского мальчишки. Потому что девочка-смерть подставилась, и я знал, кто победит во мне сегодня, и от этого хотелось биться головой о стены, что я и делал. Глотал дамас и бился лбом о железную каминную решётку, сжимая горячие прутья пальцами и не чувствуя ожогов. Выл от бессилия и проклинал Её за то, что поставила перед этим выбором.

Обломки, щепки, битое стекло и посередине я с застывшим взглядом и покрытым испариной лицом. Мертвецки пьяный и в тот же момент до безобразия трезвый. Не берёт жидкость адская, не понимает мозг, не течёт по венам благодатным забвением. Я Саанана наяву вижу, как скалится мне окровавленным ртом и манит пальцем прямо в адскую бездну.

С яростью двинул ногой по решётке камина и, вцепившись себе в волосы, зарычал. Идиотка! Подписала себе смертный приговор! И я ничего, мать её, не могу сделать! Только вынести окончательный вердикт. Этого от меня все ждут, и они правы – мои люди, уставшие и истерзанные войной, дававшие ей шанс за шансом вместе со мной. Нет больше шансов. Закончились. И права морального не имею пощадить убийцу Лютера. Свою я давно пощадил... пусть и не простил.

Я понял это тогда, когда мои кости трещали и ломались, рвались сухожилия и капала кровь из волчьей пасти с только что прорезавшимися клыками. Адская боль простреливала вдоль хребта и взрывала мне мозг ослепительными вспышками, пока не затихла на кончиках шерсти, и я не отряхнулся, разбрызгивая капли крови в снег, принюхиваясь к ее запаху, витавшему в воздухе. Теперь я чувствовал его так остро, что он пронизывал меня тонкими нитями, резал изнутри и дразнил своей насыщенностью. Из-под лап вылетали комья снега и грязи, а я бежал по её следу, чувствуя, как трещит под когтями лед и адреналин свистит в ушах. Волк чуял бойню и жаждал крови.

Я понимал только одно – не знаю, как, но я вкусил проклятие и испил его, оно до сих пор взрывается на языке мелкими искрами звериного наслаждения. Её кровь смешалась с моей. Мой хищник ощущал её внутри и триумфально рокотал победным утробным рычанием. Теперь ей не скрыться от меня. Я почую её за километры.

Ненависть смешалась с азартом погони и осознанием необратимости. Я бежал по снегу и чувствовал, как в воздухе воняет смертью. Мёртвая плоть мальчишки источала этот запах, и я потоптался у трупа несколько секунд, принюхиваясь и ощущая зловонное дыхание того, кто убил маленького Лютера, чтобы взять его душу в свой плен. Это не человек – это ОНИ, те твари бестелесные, которых я видел в своих кошмарах. Они утягивали меня на дно мерзлого болота, и я тонул в вязкой кровавой жиже из останков моих жертв. Некоторых из них я узнавал и дёргался каждый раз, когда на меня смотрели мёртвые глаза растерзанных мною людей. Их сотни и все они жаждут моей смерти, а мне не страшно, я смотрю на них и понимаю, что убивал бы их снова, потому что все они – лассары, а значит, виновны, и я лишь исполнял приговор. Я -оружие в руках Повелителя. Но разве не клялся Рейн дас Даал, что нет у него веры иной, чем вера в справедливость, и нет иного Повелителя, кроме собственной совести и

чести валласского воина. Кровь за кровь. За каждую каплю валласской реки лассарской – вот она, правда дас Даалов. И пока не захлебнётся Лассар, я не останавлиюсь.

Обнюхал тело ещё раз и яростно зарычал – из груди ребёнка торчала рукоять кинжала с гербом Ода Первого. Её кинжала. Или точь-в-точь такого, как был у нее. Но запаха ниады я не ощутил, он витал где-то далеко за пределами замка, и я бросился на него, как оголтелый. Найти раньше, чем ОНИ её настигнут, найти раньше, чем найдет дозор Валласа. Потому что смерть не в Адвере витает она за ней по пятам идет, шлейфом тянется, охотится, заманивает её в лес. Зверь почуял неладное, ощутил рядом иных хищников страшнее и сильнее себя.

Ещё никогда в своей жизни я не испытывал этот дикий страх потерять, он струился под моей шерстью адреналином и заставлял быть на луну, не совладав с отчаянием зверя, ощущавшим мою панику. Наш разум то тесно сплетался в одно целое, то прогибался один под другой, и моментами я ощущал себя человеком в волчьей шкуре, а моментами я становился всецело зверем и отпускал свою сущность на волю наслаждаться преимуществом над слабыми, драть на части добычу и вгрызаться в сочную плоть жертвы острыми клыками, вкушая свой триумф и чувствуя насыщение, наполняющее меня силой. Я не давал ему эту волю сейчас, подавлял его, как только мог, потому что хотел контролировать всё, что происходит вокруг меня. Мне нужен инстинкт человека и разум, а потом я дам чудовищу волю.

Сначала найти и тогда я буду её проклинать, и наказывать, шкуру спущу, раздеру на ошмётки её плоть, но сначала найду и спрячу ото всех. Мою убийцу с красными волосами, вынесшую приговор нам обоим с особой жестокостью и равнодушием. Она убивала меня с соблазнительной улыбкой на губах, а я понимал, что это ложь, и всё равно хотел верить. Да, я, Саанан её раздери, хотел верить, что в ту ночь, несмотря на своё решение она всё же была честна! Потому что впервые её пальцы не обжигали меня, а глаза не смотрели с пронизывающей ненавистью, и я бы сдох тысячу раз, чтобы испытать это снова. Но я никогда не смогу ей этого простить. Я положил ей в руки своё собственное сердце, а эта сука раздавила его и выжала из него всю кровь. Я читал сомнения в её глазах, я видел борьбу и отчаянно ждал, кто же победит в ней: моя маалан или лассарская велиария. Маалан проиграла, я услышал её жалобный стон, когда она сдалась и протянула мне бокал. Только маленькая шеана не знает, что меня не так-то просто убить. Выскочил к берегу мёрзлого озера и почувствовал, как у самого шерсть встала дыбом. Я впервые увидел ИХ не во сне, а наяву. Но они даже не шелохнулись, пока я драл на части своих же собратьев, и не было мне ответа, почему я сильнее и почему Тени бездействуют. Все свои ответы я получу намного позже.

Три ночи я охранял её в проклятой яме, выжидая, когда Луна даст мне возможность снова стать человеком и увезти её в хижину на окраине Адвера, чтоб никто не нашёл. Спрятать от всех. Вопреки здравому смыслу, вопреки собственным законам и чести дас Даалов. Не дать праведному гневу восторжествовать над лассарской детоубийцей. Я верить хотел, что не она убила ребенка. Я истово убеждал себя в этом, пока сидел с ней в яме, уткнувшись мордой ей в колени и отсчитывая секунды до рассвета, прислушиваясь к каждому шороху, готовый броситься на каждого, кто приблизится к нам.

Я убил своих дозорных, когда они обнаружили её следы... рвал их плоть и выл от ненависти к себе, от презрения за эту одержимость и предательство тех, кто присягнул мне в верности, кто умирал под моими клыками, выполняя свою клятву до конца. Умирали, чтобы она жила. Чувствовал, как крепнет внутри меня зверь, как вливаются в меня души умерших и извивается под кожей мощная сила после каждого убийства. Я задира к луне окровавленную морду и опять выл от отчаяния, и насыщения. Человек во мне сознательно разрешал зверю наслаждаться пиршеством плоти себе подобных.

Я возвращался к ней только тогда, когда был уверен, что поблизости нет никого, кто мог найти нас. Охранял её сон и снова шёл рыскать вокруг леса и возле озера. Оставалось самое малое – дожидаться третьего рассвета и увезти её подальше отсюда.

Но пока корчился в муках и возвращался в человеческий облик, второй отряд дозорных, посланный по следу убийцы Лютера, ушел в лес. И я опоздал. Они обнаружили яму. Отряд во главе с Сайяром. Я был уверен, что это он повел их по следу ниады. Опытный охотник, он мог выследить любую добычу, и на этот раз он действовал без моего приказа. Я мог бы казнить его за это, но та часть меня, которая все ещё мыслила здраво, понимала, что он прав. Понимала, что он хотел положить этому конец и, пожалуй, это было бы самым лучшим выходом из ситуации. Но разве я дам этому произойти? Сколько раз я клялся себе и нарушал эту клятву снова и снова.

Когда нагнал их в чаще леса, все ещё содрогаясь от боли в костях и слабости после «возвращения», они уже окружали яму со всех сторон. Перепуганные, дрожащие от ужаса после увиденного, мои воины боялись подступить к незащитной ниаде, потому что видели вокруг неё останки тел, которые мой волк специально раскидал по периметру, чтобы вселить тот самый фанатичный страх, который сдержит их от первого порыва броситься в яму.

Никто, кроме меня самого не знает, как я прикидывал, скольких из них смогу убить. Скольким я отрублю голову прежде, чем они сунутся в моё убежище и заберут оттуда мою добычу. Сайяр смотрел мне прямо в глаза, и мы оба знали, что, если я нападу на свой собственный отряд, он позволит мне отсечь ему голову, но не станет на мою сторону. Я видел в его глазах суеверный страх... и он не боялся меня, не боялся смерти – он боялся моего предательства. Я сам его боялся, я дрожал похлеще, чем они все, то сжимая, то разжимая пальцы на рукояти меча. Раздумывал, чем это обернётся для нас с ней, если мои люди восстанут против меня. Прокручивал все варианты событий. За секунды выстраивая итог, который каждый раз убеждал меня в том, что мне не победить в этот раз. Бросил ещё один взгляд на Сайяра, вспотевшего от напряжения и ожидавшего моего приказа.

– Взять лассарскую суку, посадить на цепь и тащить до самого Адвера, – мой голос разнёсся по всему лесу и запутался в макушках елей. Хлопья снега слетели полупрозрачным покрывалом на трупы моих дозорных. Снежинки покрывали тонким слоем алые пятна, которые так напоминали цвет Её волос.

Я был слишком слаб, я бы не справился со всеми, мне оставалось только взять в плен сбежавшую рабыню. И я был готов сам разорвать её на части в этой яме. За то, что на долю секунды забыл о том, кто я, и ради неё мог убить своих друзей. Проклятая шеана лишила меня разума и чести. Ещё один оттенок в палитру моей ненависти. Черный мазок на ярко-красных разводах, переплетаясь в чудовищный рисунок, где я видел своих мертвых братьев у её ног, а на губах Одеи десы Вийяр играла та самая улыбка, с которой она протягивала мне кубок с ядом.

Она шла следом за моей лошадью, привязанная к луке седла, как и тогда, когда я только напал на них по дороге в Валлас. Спотыкалась и падала в снег, но я даже не оборачивался. Тянул сильнее, наслаждаясь её стонами и в то же время, чувствуя, как у самого саднит кожа на шее, словно это на мне железный ошейник, а не на ней. Бросал взгляды на бледного Сайяра, на воинов, которые держались от ниады на расстоянии. Видимо, думали, что разодранные трупы воинов – её рук дело.

Суеверия, небылицы, легенды... Глупцы! Все вы глупцы! Она всего лишь женщина. Слабая и немощная физически. Взгляда её бойтесь и голоса, потому что убивать она не своими руками будет.

Я посмотрел на собственные ладони, и они задрожали. Схватил поводья и пришпорил коня, чувствуя, как потянул пленницу по снегу. Сжал челюсти так сильно, что от боли перед глазами пошли разноцветные круги.

И снова улыбка её саананская, когда я смерть из её рук глотал, и осознание, что никогда эта лассарская сука не полюбит меня. Что бы я ни делал ради неё, что бы ни швырял к её ногам, она будет жаждать моей смерти. Даже если бы всех людей своих убил сейчас и спас её, она бы не оценила, а вонзила бы мне кинжал в спину и провернула три раза.

Когда отряд вошел в город, в ниаду полетели комья грязи и снега. Она прикрывала лицо руками и прятала голову, а я дергал за цепь, чтоб шла быстрее, и мне казалось, грязь в меня летит ошметками. Я виноват! Я приблизил к себе. Я впустил в свою постель, и все они, мои люди, знали об этом. Не знали они только того, скольких я убил в попытке спасти её от их гнева. Лес усеян разодранными трупами моих дозорных, и я смотрел в глаза Сайяру и понимал, что он догадывается, кто это сделал. Но он будет молчать, преданный мне пёс. Будет молчать, пока я не потерял последние остатки чести из-за нее, а потом и он заговорит... и как я поступлю тогда? Ответ был до боли очевиден – Сайяр умрёт.

– Убийца! Грязная лассарская тварь! Детоубийца! Сукааа! Смерть шеане! Разорвать на части! – они кричали на лассарском, чтобы она понимала.

Воины обступили её плотным кольцом, не давая людям вершить самосуд, потому что я сказал, что сниму кожу живьем с каждого, кто позволит хоть волоску упасть с ее головы.

Теперь ниада была закрыта в клетке и ожидает вынесения приговора, а я с ума схожу здесь, и мне хочется сжечь дотла Валлас, но не дать им казнить ее. И за это я себя ненавижу так люто, что готов перерезать свою глотку. Дверь скрипнула, и я с трудом поднял голову, разглядывая Сайяра, который пнул носком сапога обломки картин. Он опустил на пол возле меня и сжал мне плечо сильными пальцами.

– Значит, это и есть её судьба и твоя, – тихо сказал он, а я, стиснув челюсти, думал о том, что если бы убил его там в лесу, то эта судьба была бы иной, и в тот же момент мне хотелось вложить в его руку кинжал и попросить его вырезать мне сердце за эти мысли. Резко встал с пола и подошел к окну, вглядываясь в толпу, собравшуюся на площади, повернулся к помощнику и хрипло сказал:

– Найди козла отпущения, Сайяр. Найди того, кто подойдет на роль убийцы мальчишки, и отдай на самосуд.

Отвернулся от него и снова глотнул из фляги, закатывая глаза от растекающегося по венам мгновенного жара, чтоб уже через секунду открыть их и стиснуть челюсти до хруста.

– Им будет этого мало, – он, Саанан его разорви, прав!

– Казню лассарского воина и её служанку.

– Мало! Мало, Рейн, этого мало!

Я в дикой ярости смел все со стола на пол, зарычал от бессилия.

– Достаточно! Я велиар, и мне решать!

– Уже не тебе. Поздно, Рейн. Ты не досмотрел. Ты позволил ей сбежать и убить пацанёнка. Теперь ты слаб в их глазах. У тебя нет выбора. Смирись.

Я резко повернулся к Сайяру и достал из ножен меч. Сделал шаг к нему и приставил остриём к горлу, глядя, как задрожал его подбородок и расширились глаза.

– Она меня отравила. Зелье подсыпала. В глаза мне смотрела, пока я пил. А я убить её не могу! И не дам вам этого сделать!

Медленно с шумом выдохнул и снова отхлебнул дамаса, продолжая держать меч у горла Сайяра.

– Мальчишку не она убила, но кто-то пустил слух...кинжал нашли в теле лассарский, а я не чувствовал её запах у трупа.

– Но этого не докажешь. Ты бессилен.

– Я никогда не был бессильным, Сайяр. Следи за своим языком.

Тот промолчал, стиснув челюсти и не смея шелохнуться. Я отвернулся и несколько секунд смотрел на огонь в камине, а потом отшвырнул меч и сжал руки в кулаки, а сам не узнал своего голоса:

– Служанку казнить с особой жестокостью. Ниаде двадцать плетей. Выживет – пойдет с нами на Талладас. Не выживет... отправить её голову Оду Первому.

Осушил до дна флягу и с яростью швырнул в огонь.

– Двадцать плетей слишком много, мой Дас. Скорей всего, не выдержит, – глаза Сайяра блеснули триумфом, а я был готов выдрать их ногтями на живую, чтоб умел скрывать свою радость. Он с облегчением выдохнул.

– Но это шанс, – я повернулся к нему, чувствуя, как раздирает грудную клетку от желания заорать, – шанс, что выживет. Понимаешь? Ни одна другая казнь не даст ей этого шанса.

Он всё понимал, а я его за это ненавидел так же сильно, как и себя. Мы не прощаем тех, кто видит нас слабым и помнит наши самые уязвимые места. Не прощаем тех, кто видит нас на коленях, а я стоял на коленях... Перед ней. Валялся у её ног, вынося ей приговор. Это не она моя рабыня, а я её раб, и он, Сайяр, он это знает. Знает, чего мне стоило принять это решение и чего мне будет стоить её казнь на рассвете.

– В убийстве мальчишки обвините её полководца. Перед казнью отрежьте ему язык, чтоб не крикнул лишнего. Скажешь, бежал из-под стражи. Отдашь его на растерзание толпе – пусть делают с ним, что хотят. Вместе с ним казнишь нескольких стражников за то, что упустили. Им смерть нужна сегодня. Жизнь за жизнь. Они должны верить, что не она это сделала. Не то, если выживет, они ее сами линчуют.

– Сколько ещё валлассаров умрёт, чтоб она жила? – тихо спросил Сайяр, и я так же тихо ответил:

– Ещё раз задашь этот вопрос – ты будешь следующим.

– Тебе станет от этого легче?

Взревел, вбивая кулак в стену с такой силой, что по ней трещины пошли.

– Утром выходим на Талладас. Войной идем. Собирать всё войско. Дозор выставить по всему периметру Адвера.

Я вышел из комнаты и тяжелой поступью пошел к лестнице, ведущей в подземелье. Хотел увидеть её в последний раз. В глаза суке этой посмотреть и сдохнуть там вместе с ней на грязном полу в проклятой клетке, а потом молиться Саанану или Геле, чтоб выжила после казни, или сойти с ума окончательно.

Глава пятая. Рейн

Я спустился вниз и теперь стоял напротив клетки, глядя в глаза той, кто превратила меня в проклятого предателя. Чувствовал, как по телу пробегают разряды статики и саднит под ребрами. Я физически чувствую, как она меня ломает, как кости трещат от понимания, что не могу от нее отступить. Такая любовь сродни ненависти, иногда легче избавиться, чем гореть и поджариваться вечно, но я не мог. Я знал, что, убив её, не получу свободу. С её смертью ничего не изменится, я буду любить её и мертвой так же одержимо, если не сильнее. Легче не станет. Мне однозначно не станет, но это было бы справедливо по отношению к моему народу. Но с тех пор, как приблизился к ней, всё отошло на второй план. Народ, власть, государство. Стало вторичным. Зациклился на ней и не могу сбросить чары, не могу избавиться от навяздения. Проклятая лассарка вертит мной, как марионеткой, и я позволяю собой вертеть. Я уже почти ненавижу свой народ за то, что должен отступить от неё ради них.

Сука. Смотреть на неё пытка, в глазах режет от этой красоты саананской. Даже босая в ободранном платье и с растрепанными волосами величественная, гордая и ослепительная. Услышала меня и поднялась с пола, придерживая тонкими пальцами подол платья. Не приближается, только смотрит, а я в её бирюзовых глазах себя ищу. Проклятое бездонное зеркало, где я уродлив настолько, что самого тошнит от собственного ничтожества. Шаг к решётке сделала, второй, а у меня её шаги бешеным биением сердца в висках отдают. Шагнул к ней, приблизился настолько, что камзол прутьев ржавых касается, и всё тело гореть начинает, покрывается вязкой паутиной. Обхватила решётку тонкими пальцами, смотрит на меня, и в бирюзе хрусталь рябит, мое отражение волнами расходится. Океан моей смерти и самого низменного падения. Я и сейчас готов плюнуть на все, содрать проклятый замок и вытащить её оттуда, спрятать подальше, не отдать никому. Рывком накрыл ее руки своими и сжал с бешеной силой, так что на бледном лице ниады отразилась гримаса боли, но она не вырвалась и не застонала... и не обожгла меня. Вот что сводило с ума – она меня больше не обжигала, и в голову лезли навязчивые слова мадорки, но я не хотел в это верить. Что она знает о ниадах? Ниады – тайна даже для астрелей, их создателей. Кому служит? О чем молится, по ком плачет и плачет ли?

– Делай то, что должен Рейн дас Даал, – тихо сказала, не отрывая от меня взгляда. Злит её решимость, бесит до дрожи. Если бы я делал всё, что должен, ты бы сейчас телепалась на позорном столбе, без кожного покрова, с развороченными внутренностями, и тебя бы живьем пожирала вороны. Валасский палач сделал бы всё, чтобы ты промучилась как можно дольше. Вот что я должен сделать. Притом давно. С того самого момента, как привез тебя в Адвер.

– Сделаю, девочка-смерть, можешь не сомневаться. – сжал пальцы ещё сильнее, а она подбородок вздернула и в глаза мне продолжает смотреть.

– Я не сомневаюсь в тебе..., – по щеке слеза катится и у меня внутри все переворачивается. Не могу видеть её слезы. Невыносимо. Пусть лучше кричит, как ненавидит, прокликает, обжигает. Что угодно, только не этот взгляд полный отчаянной боли.

– Боишься?

– Уже нет.

И пальцы с моими сплела, а я нахмурился, не понимая ни одного слова, сказанного ею. Всегда понимал. Между строк читал. А сейчас непонятна она мне. Я подвох чувствую и ложь ее каждой порой, как яд душу травит... только там, где сердце, боль становится невыносимой. Просунул руку и дернул ее к решётке так, что она щекой к прутьям прижалась.

– Напрасно. Умрёшь на рассвете. Страшной смертью умрёшь.

– Значит, так было нужно...это моя судьба. Тебе решать.

А мне пальцы на её шее сжать хочется, да так, чтоб прямо сейчас к моим ногам мертвая упала, чтоб не видеть с утра, как с неё кожу сдирать кнутом палач будет.

– Твоя судьба могла быть иной, – прохрипел я, зарываясь пальцами в её волосы, прижимаясь лицом к её лицу, накаляя прутья воспаленной кожей.

– Не могла... Рейн. Мы оба это знаем. Ещё с того момента, как первый раз увидела на берегу Тио, уже тогда не могла. И никогда не сможет.

Мое имя её голосом иначе звучит... мягко, жалобно. Что ж ты душу мне на куски кромсаешь, дрянь? Где ненависть твоя? Давай! Ну же выплесни на меня свой яд, отрави меня, разрежь на куски, вываляй в грязи! Дай возненавидеть в ответ, только не мучай больше.

– Зачем убила мальчишку? – шептал и сжимал её волосы все сильнее, а у самого руки дрожат, меня трясет от её близости, а ещё больше от этих перемен в ней, от того, что льнет ко мне. САМА. Саанан ее раздери! Сама! И разум понимает, что выжить хочет, а сердце хочет верить, что не лжет... что сломалось в ней что-то, когда узнала. Память картинки подбрасывает, где в глаза мне заглядывает, волосы перебирает, сама целует и шепчет на своем... шепчет мне о любви и о вечности.

– Я не убивала, – пальцы мои сильнее сжимает, – я тебя убить хотела. Не знала, кто ты. Чувствовала и не верила, – голос срывается, а мне сердце лезвием вскрывает крест-накрест, просовывая тонкие края прямо в рану и распарывая все глубже, короткими безжалостными ударами.

– Зачем сбежала? Всё было бы иначе.

– Как иначе? Принять участь любовницы? Никогда бы не приняла. Ты бы убил меня рано или поздно.

И мы оба знали, что она говорит правду.

– У меня было бы время, – простонал я, вдыхая аромат ее волос. Костром пахнет и лесом, волком моим. – маалан, что ты наделала?

Я больше не узнаю свой голос, он, как отголоски прошлого, принадлежит не мне, а тому мальчишке, который клялся вернуться к ней.

– То, что должна была, – а сама маску мою снимает, и я противиться не могу, позволяю развязать тесемки и швырнуть чужую личину на каменный пол. Жду, когда ужаснется, а она глазами расширенными на лицо мое смотрит, и по щекам слезы катятся. Пальцами по шрамам проводит, а меня дёргает от каждого касания. Больно. Адски больно чувствовать эту ласку сейчас и в глазах читать нечто иное, нечто давно забытое.

– Такой же красивый, – шепчет, а я глаза в изнеможении закрыл, давая этому поглощать себя, давая себе эту иллюзию мимолетного счастья, пуская ее по венам, чтобы уже через секунду, сжать волосы ниады пятерней и дёрнуть её голову назад.

– Лжешь! Жить хочешь, да, девочка?!

– Нет, уже не хочу... убей меня сейчас, Рейн. Так будет правильно. Так надо и надо было с самого начала. Сделай то, что должен....

К губам моим потянулась, едва коснулась, и я судорожно выдохнул, сам не понял, как замок содрал и распахнул клетку, впечатал ее в себя, жадно впиваясь в эти дрожащие губы, толкая ее к стене в какой-то отчаянной лихорадке. Яд мой, мериды. Сама целует. Жадно, голодно. В волосы впивается и тянет к себе, шрамы губами обжигает, и я сжимаю её все сильнее, лихорадочно опуская корсаж платья, обхватывая грудь ладонями. Не лаская. Нет. Я слишком взбудоражен для ласк, я в каком-то отчаянном припадке голода по ней с пониманием, что возможно больше не увижу никогда. Не выживет. Слишком нежная, хрупкая. И меня уже заранее выворачивает наизнанку от мысли, что ее тонкой кожи коснется шипованная плеть.

Задрал платье, приподнимая ее ногу под колено, вдавливая в стену, опираясь на раскрытые ладони и уже через секунду врываясь в ее тело, а она в ответ целует в иступлении. И

я насилую ее губы, жадно, бешено пью её стоны и всхлипы. Никогда не была такой... Только давно... много лет назад. В нашем прошлом, где шептала мне о любви и подставляла под ласки юное тело, умоляя взять её.

– Моар... Рееейн.

– Не смей! Никогда, – толчками все сильнее вдаваясь в её тело, – называть меня так! Нет меня больше! Сдох... ты убила, – и ещё сильнее удар за ударом, глубже и яростней, – два раза сдох.

Ладонь на ее рот, чтоб молчала, чтоб с ума не сводила голосом своим и этой иллюзией, которая вернулась через десять лет и поселила жалкую надежду. Вбиваюсь в нее и ногти о стену ломаю. С каждым судорожным толчком удар по камням, костяшки сбивая в кровь и глядя в ее закатывающиеся, блестящие от слёз глаза. Смотрю, как голову запрокидывает, чувствую, как сжимается её плоть вокруг моего раскалённого члена, как стонет, а по щекам всё так же слезы катятся пока сам не излился в неё в каком-то адски болезненном оргазме, от которого все тело покрылось каплями холодного пота. Наслаждение дикое и отчаянное вперемешку с ненавистью к себе и к ней. Несколько дней назад эта тварь меня убивала, а я трахаю её и думаю о том, как забрать у всех... Ни гордости, ни самолюбия. Всё у её ног, всё в её руках. Знала бы, как крепко держит мое сердце, давно раздавила бы.

Тяжело дыша, замер, упираясь воспаленным лбом в каменную стену, чувствуя, как ладонями по лицу моему проводит, по волосам гладит. Отстранился от нее, глядя пьяными глазами в ее глаза, отступая назад, сжимая руки в кулаки, видя, как закрываются ее глаза, и глядя на медленно ползущий по голой ноге шелк подола, на сдернутый вниз корсаж платья и растрепанные волосы. Закрыв клетку, вешая замок, и в ярости дернул решётку. Развернулся, чтобы уйти и услышал вдогонку.

– Я ждала тебя почти десять лет. Каждый день... каждую ночь. Я звала тебя в моих мыслях, а ты не приходил. Ты меня бросил. Ты осуждаешь меня за то, что я сдалась через девять? Ты не пришел за мной! Ты был занят войной, Рейн дас Даал. Своей мстью. А я научилась вас ненавидеть за это время. И ничего не изменится даже сейчас. Никогда не изменится.

Остановился, не оборачиваясь к ней и сжимая кулаки до боли в суставах. Решение пришло мгновенно. Схватил стражника и перерезал ему горло. Маалан бросилась к клетке, тяжело дыша и глядя на меня, пока я опять отпирал замок. Схватил за руку.

– Ты что делаешь, Рейн? – сжимает мою руку, поправляя корсаж платья, пытается сама заглянуть мне в глаза, но я ей не отвечаю. Тащу за собой. Ещё на ярус ниже.

Убил двух охранников ударами кинжала в горло. Она не кричит, только дышит тяжело, со свистом, глядя расширенными глазами, как они к ногам ее падают, заливая лестницу кровью. Да, маалан, за тебя умирают не только лассары. Сам не смотрю на них, не хочу видеть презрение в их глазах. Я и сам себя презираю.

– Рейн, – шепчет мне, впиваясь в мою руку, пытается остановить, а я не вижу ничего и никого. Я иду напролом, потому что времени у меня нет. Если увидит кто-то, то это будет и мой конец. Но я подумаю об этом позже. О масштабах этого безумия. Подумаю, когда спрячу ее так, что ни одна псина не найдет. А когда на Талладас уйдем, с собой заберу. Там уже всем не до нее будет. Война хорошо промывает мозги. Врагов не внутри ищешь, а беспощадно рубишь их на поле боя.

Когда подвел ниаду к клетке, в которой сидела ее служанка, Одейя с шумом выдохнула и закрыла глаза, а потом за руку меня схватила снова и второй рукой вцепилась мне в плечо.

– Не делай этого. Они тебе не простят, Рейн. Будет мятеж. Ты не имеешь права. Только не ради меня.

Я усмехнулся, а сердце дёрнулось и сжалось так сильно, что мне стало больно. За меня боится? Неужели? Не играет, а на самом деле боится. Я на дне глаз её вижу этот страх и

меня начинает лихорадить новой волной, новым приступом истерического триумфа. Не отдам. Пусть горит всё синим пламенем: и Валлас и Лассар!

– Я разберусь.

Повернулся к замку, отпирая и видя, как на меня смотрит Моран. Лицо женщины в кровоподтеках и ссадинах, одежда изорвана и висит лохмотьями. Инквизиция уже с ней поработала. На рассвете от нее бы самой остались одни ошметки.

– Выходи, – подал ей руку, помогая подняться, – Давай, поторопись.

Моран выбежала из клетки и рывком обняла свою госпожу, поглядывая на мое лицо без маски с выражением искреннего ужаса.

Они не сказали ни слова друг другу. Только смотрели в глаза и... я впервые увидел, как глаза Одеи сверкают радостью, она улыбается сквозь слезы. Улыбается, когда мои руки по локоть в крови валласаров, моих людей. За последние дни я убил их больше, чем проклятые лассары за последний месяц.

Женщины пошли за мной, а у меня в голове лихорадочно отщелкивало время до рассвета. Пересыпались крупинами кровавого песка часы. Я хотел вывести их через запасной выход из подземелья к стене Адвера, спрятать у вышки, а дальше провезти на север в военной повозке, которую не станут досматривать, если я лично выпишу пропуск. Это будет похоже на побег, если отправить на поиски дозор с собаками, то они ничего не найдут, так как никуда останется в Адвере. Сжимая рукоять кинжала, я вел их за собой вниз, на самое дно, к узкому лазу под городом.

На лестнице раздались шаги, и я впечатал обеих женщин в стену, сжимая кинжал сильнее и приложив палец к губам. Кто-то спускался вниз с факелом в руках. И этот кто-то не мог не заметить наверху мертвецов. Как только показалась фигура в форме, я резким движением вогнал острие кинжала в шею стражника, и он мешком рухнул вниз, скатился по ступеням, хрипя и разбрызгивая фонтаны крови по стенам.

Но он спускался не один. Я слышал шаги по крайней мере двоих и был готов к броску, но замер, увидел Сайяра. Мы смотрели друг другу в глаза ровно несколько секунд, потом он перевел взгляд на мертвого охранника и снова на меня. Его пальцы сжали рукоять меча, а мои всё так же сжимали кинжал. Я уже мысленно видел несколько способов, которыми убью его. И видел по его глазам, что он знает об этом. Сайяр разжал пальцы, опустил руку и склонился в поклоне. Я выдохнул и выпрямился, чувствуя, как вдоль позвоночника прошла дрожь облегчения.

Сайяр не двигался, смотрел на меня исподлобья.

– Ты единственный, кому я доверяю, как себе, – тихо сказал я, – единственный, кому я могу доверить её и не бояться, что праведный гнев превысит меру твоей преданности мне.

– Я клялся тебе в верности, Рейн, я принес тебе присягу на крови. Ты мне как брат. Я, скорее, дам изрезать себя на куски, чем нарушу эту клятву.

Зато я их нарушил. Все саананские клятвы нарушил ради нее. Только сейчас я понимал масштабы этой бешеной страсти. Этого больного безумия. А Сайяр их понял намного раньше меня.

– Уводи их обеих на север Адвера. Спрячь в охотничьем уголке. Найди преданных людей, которые будут их охранять. Выполняй.

Сайяр кивнул и, сдернув с себя плащ, накинул ниade на плечи, но я впился в его плечо пальцами.

– Если предашь – умрёшь!

– Если предам – умру! – повторил, он все так же продолжая смотреть на меня, и где-то на дне его глаз я видел блики ненависти ко мне. Я и сам себя ненавидел. Но я разберусь с этим позже. Чуть позже и очень скоро, когда будем рубить лассаров, если Туарн откажется принять мое предложение. Когда будем брать Талладас.

– Вернешься – поднимешь тревогу! Понял?

Он кивнул, а я привлёк к себе маалан, сжал её лицо пятернёй, сдавил щеки, глядя в глаза и тяжело дыша.

– Судьба, говоришь? – приблизился к её губам, скользя по ним своими, – Мы сами меняем свою судьбу, девочка-смерть. Судьба – не более, чем отговорка, если не можешь принять решение.

– Я не сказала, что смерть моя судьба... Ты – моя судьба.

– Скажи, маалан... как ты называла его, – нежно поглаживая щеку большим пальцем, чувствуя ошарашенные взгляды Сайяра и Моран – ведь я прикасаюсь к ниаде голыми руками, и моя плоть не горит.

– Моар Рейн... моар, – и в уголках губ улыбка прячется.

Сколько там раз я сдох до этого? Два? Я согласен сдохнуть ещё с десятков раз, лишь бы услышать от нее это снова. Быстро поцеловал в губы и протянул Сайяру ключи от запасного выхода с подземелья.

– Уводи их. Быстрее. Скоро светать будет.

Глава шестая. Одейя

Я не знала, что он примет именно это решение, не знала и никогда бы не смела на это надеяться, но, когда смотрела в его серо-зеленые глаза, я больше не видела в них ненавистного валлассара, готового поставить меня на колени любой ценой. Я видела в них только ЕГО. Только он мог это сделать ради меня. Не меид, не Рейн дас Даал. А тот мальчик без имени... тот самый, который поклялся мне любить вечно. Он мог вот так безрассудно бросить вызов и Лассару, и Валласу одновременно.

Наверное, именно в этот момент и начали стираться грани между моим долгом и какой-то одержимой любовью к этому мужчине. Я знала, чем он рискнул. Знала, что, если кто-то узнает, его могут линчевать так же, как и моего брата. Народ не признает слабостей своих правителей, они предпочитают видеть на престоле безжалостного и жестокого убийцу и не простят веляру ни одной ошибки. Это обычные смертные могут ошибаться, любить, ненавидеть, а у нас нет такого права. Мы не можем этого себе позволить. Сколько бы невольников ни было у государства, сколько бы ни было золота в казне, правители вечные рабы своего положения, и стоит им лишь оступиться, их порвут на куски те, кто фанатично горланили их имена при коронации. Так всегда говорил мой отец и он был прав.

Шла следом за Сайяром, тяжело дыша, чувствуя, как сердце бешено колотится и не перестает замирать от одной мысли о том, что все может быть иначе. О том, что у нас появился какой-то призрачный шанс, такой зыбкий, хрупкий и тонкий, как самый первый лед на водной глади. И мне было страшно...страшно осознавать, что впервые мне не хочется бежать отсюда сломя голову, впервые я больше не хочу быть Одейей дес Вийяр. Я хочу быть Маалан. Я хочу иметь право любить его, просыпаться с ним рядом, называть его своим и просто быть счастливой. Такая уродливая надежда на фоне общего безумия, крови и смерти. Я знала, что она так же хрупка, как и тот самый тонкий лед. Ее век очень короткий. Она треснет с первыми же сомнениями и разлетится на осколки о гранит реальности, где Рейн дас Даал прежде всего мой враг и лишь потом любимый мужчина, и никак не наоборот.

– Нам сюда, – скомандовал Сайяр и приоткрыл железную дверь на одной из вышек у стены. Посветил факелом, и мы юркнули в холодное помещение больше похожее на оружейный склад. У стен были нагромождены бочки с порохом для пушек и деревянные ящики с ядрами. Камни заledenели и блестели от света факелов, словно покрытые лаком. Бочки покрылись серебристым инеем. Я поёжилась и потёрла плечи, переминаясь с ноги на ногу.

– Ждите меня здесь, я скоро вернусь. Закройтесь изнутри и никому не отпирайте. Этот склад заброшен. К вам никто не придёт, кроме меня, но в любом случае за нами могли следить. Я поступу вот так.

Сайяр сделал два тихих удара по двери, два сильных и ещё два тихих. Когда Моран задвинула за ним железный засов, я опустилась на один из ящиков и скинула с головы капюшон, дыша на замерзшие руки и растирая пальцы.

– Я ему не доверяю. Он опасен, – прошептала служанка и окинула помещение долгим взглядом. – смотрю в его глаза и вижу там ненависть лютую. Ко всем. Даже к самому себе. Он весь мир ненавидит, не только нас.

– Он любит Рейна. Это самое главное, – так же тихо ответила я и прикрыла глаза. От усталости и потрясений слегка кружилась голова. Мне казалось, я за эту неделю прожила несколько лет.

– Рейна? С каких пор он стал для вас Рейном, моя деса?

Резко повернула к ней голову и встретила с проницательным взглядом темных глаз. От нее никогда нельзя было что-то утаить. Она слишком хорошо меня знала.

– С тех пор, как я его узнала, и с тех пор, как рискнул всем ради того, чтобы вывести нас оттуда. Он оставил тебя в живых, Моран... Из-за меня.

Моран села напротив на ящик и усмехнулась, заглядывая мне в глаза.

– А я знала, что так и будет, моя деса. По глазам вашим видела. Любовь часто ходит с ненавистью по одному лезвию. Обе режутся, истекают кровью, но ни первая, ни вторая друг без друга не могут. И да... из-за вас. Велиар бредит вами. Я никогда не видела такой страсти. Она пугает. Даже не знаю, хорошо это или плохо.

– Я его просто чувствовала, Моран... понимаешь? Разум не узнавал, а здесь, – прижала ладонь к груди, – здесь я чувствовала, что знаю его... помнишь валласара там, в Тиане? Того, что приезжал ко мне... того, о котором я запретила вспоминать и побила тебя, когда ты... когда ты сказала, что он погиб и больше никогда не вернется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.